

Скромная семейная свадьба

Автор:

Бронислава Лукьянова

Скромная семейная свадьба

Бронислава Антоновна Вонсович

Тина Лукьянова

Колдовские тайны Лисандра Берлисенсис #3

Что сильнее - любовь или ненависть?

Это и предстоит выяснить юной Патрисии Венегас. После предательства сестры и жениха она уехала из родительского дома. Уехала, чтобы никогда туда не возвращаться.

Но, поддавшись на уговоры матери, Патрисия приезжает на свадьбу сестры и блистательного аристократа. Только вот жених явно не в себе, его родственники совсем не рады надвигающемуся торжеству, а в доме гостят подозрительные личности...

Бронислава Вонсович, Тина Лукьянова

Скромная семейная свадьба

© Вонсович Б., Лукьянова Т., 2017

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

Глава 1

Андрес сидел прямо на витрине и увлеченно рассказывал про практическое занятие, на котором один из столь нелюбимых им студентов-отличников сел в грандиозную лужу, в прямом смысле этого слова – воды за ним убирали очень много. Хотя история была не очень интересной, я все же вежливо улыбалась и считала оставшиеся минутки до закрытия. Мне все время хотелось сказать ему, чтобы он слез наконец со стекла – оно, хоть и усиленное заклинаниями, все равно довольно хрупкое, может не выдержать лишней нагрузки, пусть даже она, эта нагрузка, не имела лишнего жира и была довольно стройной и подтянутой. Но Андрес был сыном хозяина магазинчика, где я работала, и указывать ему мог только отец, фьорд Сорено, которого сейчас не было. К ухаживаниям за мной своего сына он относился одобрительно и старался при любой возможности оставить нас вдвоем. Наверное, я казалась ему подходящей невесткой – из хорошей семьи, ответственная, аккуратная, не склонная к флирту на рабочем месте. Фьордина Сорено его мнение разделяла, но временами ревниво посматривала на меня и, похоже, думала, что пора бы и ответить взаимностью ее дорогому сыну, единственному и совершенно замечательному. Но я не затем уехала из родного дома, чтобы выходить замуж, да еще за человека, к которому испытываю легкую симпатию, не более.

Нежный перезвон сигнального артефакта поначалу я восприняла с облегчением: потенциальный покупатель избавлял меня от неинтересной беседы. Андрес тут же легко спрыгнул с витрины, чтобы ничего больше не портило светлый образ отцовского магазинчика. Солидность и надежность – вот основа торговли артефактами. Большая часть предлагаемого товара была отнюдь не новоделами, а антиквариатом, прекрасно проверенным временем и работающим до сих пор безо всяких нареканий. И цена у товаров была соответствующая – процент от продаж вкупе с не очень большим жалованьем позволили мне полностью отказаться от родительской помощи, чему я была очень рада. Я не хотела ничего, что напоминало бы мне о семье.

К сожалению, вошедшая фьордина не была потенциальной клиенткой, ее не интересовали наши прекрасно оформленные витрины. Смотрела она только на

меня, с некоторым смущением и надеждой смотрела. Пока она молчала, но внутри меня что-то вопило о грядущих неприятностях, и не маленьких – иначе мама ни за что не приехала бы сама, а связалась по артефакту или отправила письмо, если известие было не срочным.

– Добрый вечер, мама.

– Привет, дорогая.

Она потянулась поцеловать меня в щеку, я послушно подставила – не хотелось огорчать родительницу, которая и так выглядела не очень счастливой. Но больше всего не хотелось устраивать сцены при посторонних – Андрес заинтересованно смотрел на мою маму и явно собирался ей представиться. Она же посчитала его одним из клиентов магазина и замолчала, надеясь, что он вскоре уйдет и она сможет озвучить причину, которая ее сюда привела.

– Что-то случилось, мама? – прервала я повисшее неловкое молчание.

– Не думаю, что фьорду интересны наши семейные дела, – ответила она и выразительно на него посмотрела. – Наверное, он собирался что-то здесь приобрести, а тут я появилась совсем некстати? Не буду мешать твоей работе.

Мама прекрасно понимала, что в моей жизни некстати она появилась бы в любое время и в любом месте, но сейчас старательно делала вид, что она любящая родительница, приехавшая навестить свою взрослую умницу-дочку.

– Андрес Сореано, – наконец решился представиться так мешающий маме фьорд. – Сын работодателя вашей дочери, фьордина Венегас.

– Очень приятно познакомиться, – расплылась она в вежливой улыбке. – Как вы думаете, фьорд Сореано, ваш отец согласится предоставить Патрисии несколько свободных дней в конце следующей недели?

– Мне не нужны свободные дни, – резко сказала я, начиная подозревать, что вскоре они как раз понадобятся. – Фьорд Сореано очень рассчитывает на мою помощь, и нужна серьезная причина, чтобы он пошел навстречу твоим желаниям.

– Разве может быть более серьезная причина, чем свадьба твоей сестры? – Мама улыбалась, но так заискивающе, что мне стало неприятно.

В груди все сжалось. Нет, я знала, что рано или поздно это произойдет – Тереса умела настоять на своем, но я все равно оказалась совершенно не готова к этому известию. Как же я ее ненавижу! Никогда не думала, что буду ненавидеть собственную сестру до такой степени, что даже одна мысль о том, что мне придется ее увидеть, вызывает отвращение и нервную дрожь.

– Ты сама понимаешь, что это не может быть веской причиной для моего приезда, – резко ответила я маме.

Нет, идти на поводу родительской прихоти я не собираюсь. Хотят показать, что в нашей семье полное взаимопонимание и любовь, – пусть это делают без меня, для всех это будет намного лучше. Конечно, я могу притвориться и выказать нежную сестринскую привязанность, но зачем? Зачем мне это нужно? Последнюю фразу я невольно высказала вслух.

– Патрисия, это очень важно для меня, – тихо сказала мама и сделала вид, что собирается заплакать. – Мне так больно видеть вашу с Тересой ссору, которая никак не закончится. Вы должны помириться. И свадьба сестры – лучший повод для этого.

– Свадьба Тересы и Даниэля – лучший повод для нашего примирения? – невольно разозлилась я. – В самом деле? Ты меня удивляешь, мама!

Я совсем забыла про Андреса, иначе ни за что не сказала бы этих слов. Я не собиралась обсуждать внутренние семейные дела при посторонних, но он вел себя настолько тихо, что вспомнила я про него лишь сейчас, случайно наткнувшись взглядом.

– Нет, дорогая, как ты могла подумать? – фальшиво удивилась мама. – Она выходит замуж совсем за другого. Жених – Бруно Берлисенсис, ты наверняка про него слышала.

Фамилия была на слуху – как-никак, Берлисенсисы относились к цвету нашей аристократии, и поместье их находилось не так далеко от нашего, но это все, что я знала про жениха. Не водились птицы столь высокого полета с мелкими

пташками вроде нашего семейства. Впрочем, Тереса всегда была уверена, что ей достанется самое лучшее, так что, думаю, все должно быть при этом Бруно – и внешность, и деньги, и, возможно, магия.

– Может, и слышала, – ответила я. – Но сейчас не припомню. Да и какая, в сущности, разница, за кого выходит Тереса? Все равно меня на свадьбе не будет. Ты зря приехала.

– Патти, я тебя очень прошу! – Мама продолжала настаивать. – В такой день вся семья должна собраться вместе. Нам с папой больно смотреть на вашу размолвку.

Больно смотреть? Родители обычно брали сторону старшей сестры, права она была или нет. Даже в той неприятной истории, хотя Тереса кругом была виновата. Видеть ее не хочу! И родителей, для которых я всегда значила меньше, чем она. За все время, что прошло со дня моего отъезда, мама навестила меня впервые, хотя прекрасно знала, в каком состоянии я уезжала. А теперь им для идиллической картинке не хватало лишь меня.

– Патрисия, причину твоего отъезда никто из соседей не знает, – продолжала уговоры мама. – Они уверены, что ты просто захотела самостоятельности. Но если тебя не будет, пойдут разговоры, крайне нежелательные для нашей семьи.

– Думаю, расторжение нашей с Даниэлем помолвки уже дало пищу таким слухам, – недовольно ответила я. – Скажете, что мне неприятно его видеть. Уж это они наверняка поймут.

– Мы не стали об этом объявлять, – смутилась мама. – Все убеждены, что вы с ним продолжаете встречаться. Он ведь тоже теперь живет во Фринштаде.

– Что? – недоуменно переспросила я. – Но почему вы умолчали?

Я порадовалась, что до сих пор ни разу не встретила своего бывшего жениха. Хорошо, что я никуда не хожу. Впрочем, очень похоже, что и он не горит особым желанием меня видеть – иначе давно бы узнал адрес.

– Мы подумали, что вы можете помириться, – глядя на меня совершенно честными глазами, ответила мама. – Знаешь, иной раз такие неприятные ситуации лишь скрепляют настоящую любовь, проявляют ее в полной мере. Мы его тоже пригласили...

Она довольно посмотрела на меня в ожидании одобрения.

– Наверное, наша любовь была ненастоящей, – ответила я ей и опять вспомнила про Андреса, который стоял так неподвижно, что его можно было принять за манекен. – Мама, я не хочу об этом говорить. И я никуда не поеду. Кроме того, как ты правильно недавно сказала, не стоит посвящать во внутрисемейные проблемы посторонних.

Наверное, она тоже про него совсем забыла, настолько ее увлекло выбивание моего согласия, потому что посмотрела на Андреса с таким возмущенным недоумением, словно он специально подошел подслушать нашу беседу.

– Я хотела зайти к тебе, после того как ты закончишь работу, – пояснила она. – Но подумала, что ты можешь куда-нибудь уйти, а я напрасно простою под твоими дверями и уеду, так и не поговорив. Мне сегодня непременно нужно вернуться обратно. Ты просто не представляешь, сколько забот на нас навалилось. Хотя мы и решили устроить скромную семейную свадьбу и почти все приглашенные – либо из нашей семьи, либо из семьи Брунито.

Вот и не надо было тратить на меня драгоценное время. Брунито... Надо же. Сразу видно, что маме жених Тересы симпатичен, и даже очень. Про Даниэля она никогда столь фамильярно не говорила.

– Я думаю, ты можешь возвращаться, – заметила я. – Со мной ты встретишься, задача выполнена.

– Без твоего согласия? Я непременно должна тебя убедить! – горячо сказала мама. – Давай посидим после твоей работы в каком-нибудь ресторанчике? Обсудим все спокойно, взвесим все «за» и «против». Уверена, ты передумаешь.

– Сожалею, мама, но Андрес пригласил меня раньше.

Парень встрепенулся и посмотрел на меня с удивлением. Нет, я не солгала, он действительно приглашал меня поужинать с ним этим вечером, но я отказалась, как отказывалась и ранее. Но то, что я сейчас сказала, для него прозвучало как обещание. Что ж, придется сходить, сейчас я на все готова, лишь бы не ехать к родителям. Ужин в компании симпатичного парня – не такое уж наказание. Не сравнить со свадьбой, на которой в толпе гостей я постоянно буду наткаться на бывшего жениха. Нет. Не хочу. Не хочу и не поеду.

– Поэтому ты так настроена против бедного Даниэля? – огорченно сказала мама, но тут же оживилась. – Мы фьорда Сорено тоже пригласим на свадьбу Тересы. – Она умильно посмотрела в его сторону и добавила: – Мы рады будем видеть вас у себя в гостях.

– Спасибо за приглашение, фьордина Венегас, – отвесил он церемонный поклон.

Предложение мамы его обрадовало. Он посчитал это огромным прорывом в наших с ним отношениях. Знакомство с моей семьей и все такое. Но у меня было свое мнение, очень от его отличающееся.

– В качестве кого, мама? – недовольно спросила я.

– В качестве друга семьи, конечно.

Мама была настроена оптимистично и не пыталась этого скрыть, она улыбалась Андресу уже как возможному союзнику, со всем присущим ей обаянием. Он невольно начал улыбаться в ответ. Все, эти двое нашли друг друга.

– Такой приятный молодой фьорд, – продолжала мама. – Сразу видно хорошее происхождение и воспитание.

А еще достаток: магазин был невелик – слишком специфическим товаром тут торговали, но посетитель сразу понимал, что у владельцев есть деньги, и немаленькие. Иные артефакты стоили столько, что даже страшно было брать в руки. Мама и не пыталась ничего трогать, ей достаточно было посмотреть на ценники, чтобы понять: этот зять для нашей семьи подойдет. Даже больше, чем Даниэль. Интересно, почему у него с Тересой так ничего и не получилось? Или как появился «Брунито», все договоренности были забыты? Да нет же, мама сказала, что соседи и по сей день считают, что с ним помолвлена я.

- Вы мне льстите, фьордина Венегас. - Довольный Андрес галантно поцеловал маме руку, чем еще больше убедил ее в своем соответствии требованиям семьи.

Мама уверилась, что я встречаюсь с этим молодым человеком, просто не сообщаю об этом семье, и начала обрабатывать уже его в надежде, что он, в свою очередь, уговорит меня. Андрес мило отшучивался, не показывая, как на самом деле обстоят у нас дела, и время от времени вопросительно на меня поглядывал. Мамино внимание ему льстило.

- Андрес, но вы ведь тоже считаете, что семья должна всегда стоять на первом месте? - напирала она. - И все разногласия должны быть забыты, особенно, когда приближается день семейного торжества. Уверена, Тереса будет просто счастлива, если Патрисия сделает такой трудный шаг навстречу.

- Я не сделаю, - мрачно заметила я.

Внутри меня поселилась уверенность, что ехать мне придется. И все семейное торжество показывать, как мы с сестрой любим друг друга, - тоже. Мама прекрасно знает, она получит от меня согласие рано или поздно. Но, боги, как же мне не хочется встречаться с Тересой и с Даниэлем! Ворошить прошлое, которое хотелось бы похоронить в глубинах памяти и никогда, никогда не вспоминать...

- Патти, Тереса тоже переживает и хотела бы все случившееся забыть. - Когда у мамы столь вдохновенное лицо, у меня даже сомнения нет в том, что она врет. - Так сделай же первый шаг.

- Как ты всегда говорила? Она старше и умнее, да? Вот пусть она и делает!

- Патти, милая, да как же она может сделать первый шаг, если ты с ней разговаривать не желаешь? - Мама почувствовала слабость в моем ответе и теперь стремилась дожать. - Дай ей шанс помириться. Мы с папой так этого ждем. Семейное торжество - лучший повод для этого.

Что-то мне подсказывало, что, сколько бы я ни давала Тересе шансов, она ни одним не воспользуется. Но мама уже выразительно рылась в сумочке, что в такой ситуации говорило только об одном - ищет носовой платок и собирается

устроить показательные рыдания перед благодарной публикой. Зрелище зареванной родительницы не доставит удовольствия ни мне, ни Андресу, так что нужно было срочно что-то предпринимать. К сожалению, я была уверена, что ее остановит только одно – мое согласие на поездку. «Сделай это для нас с папой, Патти», – ее любимая фраза. Так что сейчас нужно думать о том, как согласиться с наименьшим ущербом для своих нервов.

– Мама, а приглашение Даниэлю нельзя отозвать? – с тяжелейшим вздохом спросила я.

Она оживилась тут же – почувствовала близость капитуляции.

– Патти, он уже прислал ответное письмо с согласием, – ответила она, ничуть не смущаясь. – Ты же понимаешь, как неприлично будет написать, что теперь мы не желаем его видеть?

– А принимать его будет прилично?

– Конечно. – Мама расточала улыбки во все стороны. – И даже не принимая в расчет, что он твой жених...

– Он мне не жених!

– ...Даниэль – сын наших близких друзей, – не подумала она прерваться. – Представляешь, как оскорбятся Феррейра, если мы отправим их сыну такое письмо?

Мне казалось, что для них скорее будет выглядеть оскорблением, если на торжество, посвященное бракосочетанию Тересы, я прибуду не в компании Даниэля, которого, как оказалось, до сих пор считают моим женихом, а в сопровождении другого фьорда. Впрочем, Даниэль своим родителям наверняка обрисовал, пусть и не в подробностях, ту деликатную ситуацию, в которой оказался. И оказался уж точно не по моей вине.

– Фьорды Феррейра наверняка знают, что фактически никакой помолвки нет, – заметила я. – Да и сам Даниэль думает так же.

– Ты так решила, потому что он до сих пор с тобой не встретился, – с видом, который ей самой казался необычайно пронизательным, заметила мама. – Фринштад – огромный город, а твой адрес мы ему не дали, хотя он очень об этом просил.

– Надеялись, что у них с Тересой все сладится? – невольно спросила я, хоть уже и зарекалась упрекать в этом родителей.

– Конечно, дорогая, – невозмутимо ответила мама. – Сама посуди, как бы ты поступила на нашем месте? Хорошо еще, Эдита держит язык за зубами, девушка она и сама по себе не болтливая, но мы и очень хорошо ей заплатили.

– Боюсь, в наше время эта ситуация уже не столь компрометирующая, как это было во времена твоей юности, – не удержалась я.

– Патрисия, давай перестанем обсуждать наши внутрисемейные дела при посторонних, – почти медовым голосом сказала мама, нежно улыбнулась Андресу, про которого я опять совсем забыла. Мне достался укоризненный взгляд, как будто это я начала столь некрасивый разговор и теперь игнорирую все попытки уйти от столь щекотливой темы. – Я так понимаю, ты согласилась?

В ответ я лишь тяжело вздохнула. Я и сама прекрасно понимала, что соглашусь, а своим отнекиванием лишь откладывала неприятный момент. Тересу мне видеть не хотелось, совсем не хотелось, но откажи я жестко – и мама тут же начнет рыдать уже всерьез, с причитанием, всхлипыванием и размазыванием по лицу туши и теней. Такого зрелища Андресу я не желала.

– Тогда ждем вас в четверг, на следующей неделе, – уже деловито продолжила мама. – Фьорд Сореано, была счастлива познакомиться с вами. Думаю, отцу Патрисии вы непременно понравитесь.

А это уже был запрещенный прием – теперь Андреса, воодушевленного этими словами, будет очень сложно убедить со мной не ехать. А я еще почти пообещала с ним поужинать. Возможно, он про это уже забыл? Я посмотрела на Андреса, но он был полностью поглощен прощанием с моей мамой. Она что-то ласково ему ворковала, он целовал ей руку, и оба они казались вполне довольными друг другом. Он даже вызвался проводить ее до ближайшего междугороднего телепорта, что было уже совсем лишним – неизвестно еще, о

чем они могут договориться. Что мама имеет на меня очень сильное влияние, Андрес уже понял и сейчас пытался произвести на нее настолько благоприятное впечатление, насколько можно. Только вот не учел он, что родители не распоряжаются ни моей рукой, ни сердцем. И то и другое когда-то давно я хотела отдать Даниэлю. Только ему это все оказалось ненужным. Пожалуй, чувство к нему почти совсем ушло, осталась лишь тоска о чем-то несбывшемся. Очень красивом и светлом. Но не моем.

До закрытия магазина времени оставалось немного, и я понадеялась, что удастся уйти до возвращения Андреса. Но куда там! Когда я уже направлялась к двери вешать табличку «Закрито», в нее прошел солидный фьорд лет пятидесяти и с деловым видом стал изучать витрины. Пришлось изображать радушие и отвечать на вопросы про интересующие его артефакты. Фьорд хотел купить что-нибудь не столько полезное, сколько дорогое, что впоследствии, лет через пять-десять, можно было бы перепродать без потери цены, а то и очень прилично на этом выиграть. Пока я подбирала подходящие варианты, вернулся Андрес. Выглядел он отвратительно счастливым. Интересно, что ему пообещала мама? Теперь он заинтересован в том, чтобы сопроводить меня на эту проклятую Тересину свадьбу. Чтоб она сорвалась из-за того, что этот Брунито застукает мою сестричку с шафером! Должен же у него к этому времени быть шафер?

– Где бы ты хотела поужинать? – деловито спросил Андрес, как только не вовремя пришедший посетитель ушел.

– Поужинать? – Я сделала вид, что не понимаю.

– Ты сказала фьордине Венегас, что я тебя пригласил, – напомнил он. – Не заставляй меня выглядеть обманщиком в ее глазах. А то она уверена, что сегодня вечером ты не ляжешь в кровать голодной.

– Я и так не собираюсь голодать, – усмехнулась я.

С другой стороны, а почему бы мне и не поужинать с ним в благодарность за избавление от нудной часовой лекции о сестринском долге? Тересе почему-то никогда не напоминали, что у нее тоже есть долг по отношению ко мне... Но к черту Тересу, не буду еще больше портить этот вечер, думая о ней!

– Не голодать можно по-разному, – улыбнулся Андрес. – Мне хочется, чтобы ты сегодня особенно хорошо не голодала. Так как ты предпочитаешь не голодать – с рыбой или мясом?

Я невольно рассмеялась – уж очень забавный у него был при этом вид. Появился соблазн сказать «с рыбой», я знала, что Андрес ее не особо уважает. Но сам вопрос показывал, что он готов пойти на некоторые жертвы ради ужина со мной, и уже поэтому не заслуживает такой мелкой пакости. Вот крупной, за то, что собирается действовать по планам моей матушки, – вполне.

Поэтому, хотя я и выбрала ресторанчик на берегу Иррау, но в меню у них был большой выбор различных мясных блюд. Устроились мы на террасе. Духота жаркого летнего дня уже уходила, от реки легко тянуло свежестью. Темнело, и на столике стоял круглый шар, в котором переливались магические огоньки, создавая такие причудливые переходы и формы, что смотреть можно было часами. Но я сюда пришла не любоваться магическими поделками, у меня был очень серьезный разговор к моему спутнику.

– Андрес, я прошу тебя не ехать.

– Сожалею, Патрисия, но я уже пообещал фьордине Венегас, что непременно буду. Не станешь же ты от меня требовать, чтобы я нарушил данное ей слово? – невозмутимо ответил этот нахал. – И потом, мое присутствие тебе просто необходимо.

– С чего это вдруг, Андрес? – Я постаралась показать как можно выразительнее свое отношение к его словам, но он так на меня посмотрел, что я смутилась и отпила глоток вина из бокала, чтобы это скрыть.

– Я правильно понял: твоего бывшего жениха вытащили из постели твоей сестрички, чего ты простить обоим не можешь?

Ужасно неприятно, когда говорят такие слова. Но еще более неприятно, когда они правдивы. Посмотрела я на Андреса со злостью. Видел же, насколько мне болезненна эта тема, и все равно расспрашивает. Да какое ему дело, в конце концов, до того, что случилось в нашей семье год назад? Его это никак не касается.

– Так вот, – продолжил он, не обращая никакого внимания на мои гневные взгляды, – сама подумай, насколько выигрышнее для тебя появиться перед ними не униженной и одинокой, а счастливой, в компании такого замечательного меня.

Он подмигнул и отсалютовал мне своим бокалом, показывая, что пьет в мою честь.

– Андрес, как ты не понимаешь... – начала я, уже не скрывая своего раздражения.

– Это ты не понимаешь, Патрисия. Нельзя так долго играть роль несчастной обманутой дурочки. Этак ты в нее окончательно вживешься, и во что тогда превратится твоя жизнь? Нет, с этим нужно заканчивать – покажи сестричке, что не все мужчины согласны променять тебя на нее. Да и твой бывший жених, – он неприятно выделил слово «бывший», – не согласился связать с ней свою жизнь, хоть их и застали в столь пикантной ситуации. Бедный Берлисенсис, я ему заранее сочувствую. Хотя последний год, что он учился в Академии, ему постоянно не везло. Даже его прозвище «Счастливчик Бруно» звучало как издевательство. Наверное, полоса невезения так и не закончилась.

– Ты его знаешь? – невольно заинтересовалась я.

Интересно, кого все-таки отхватила Тереса? Надо же, мое предположение, что ее жених – маг, оказалось правдой.

– Не то чтобы очень хорошо, – ответил Андрес. – У нас и факультеты разные, да и старше он меня на два года. Но не знать его не получилось бы. Там такой громкий был скандал с его семьей, их всех арестовали по обвинению в государственной измене. Потом оправдали, но за это время его девушка закрутила роман с их адвокатом. Наверняка решила, что тот более перспективен, чем Бруно. Между нами говоря, у этого Берлисенсиса, кроме спеси, особо ничего и нет.

Я задумчиво отпила очередной глоток из бокала. Нежное, чуть терпковатое вино приятно покаталось на языке, прежде чем упасть в пустой желудок и начать туманить мозги. Идея поехать с Андресом на свадьбу сестры стала казаться мне довольно привлекательной, как и сам сидящий напротив меня молодой фьорд.

Надо же, никогда не замечала, какие у него, оказывается, красивые глаза...

В этот день я впервые изменила памяти о Даниэле – целоваться с Андресом по дороге к дому оказалось очень увлекательно. Я даже пожалела, что мы так быстро пришли. Но к себе я приглашать его не стала: прощальный поцелуй на пороге, его разочарованный взгляд – и вот я уже совсем одна слегка прижимаю пальцы к губам, еще хранящим тепло и вкус его губ.

Глава 2

Феррейра был компаньоном моего отца, и не просто компаньоном, а очень хорошим близким другом. Поэтому, когда в их семье родился Даниэль, а у моих родителей через два года – Тереса, все сочли это знаком свыше, что нашим семьям суждено породниться. Все мы трое росли в этой уверенности – слишком часто фьорды Феррейра в шутку называли мою сестру невесткой, да и она всегда говорила «мой Даниэль», тем самым постоянно утверждая право на него. И пусть никаких обязательств между семьями не было, я всегда считала Даниэля почти собственностью сестры, поэтому пришла в ужас, когда поняла, что он мне нравится совсем не как брат. Мне было тогда четырнадцать, ему – восемнадцать. Этакое щенячье обожание в адрес почти взрослого фьорда с первыми усиками, которые его совсем не портили, а лишь подчеркивали строгую линию яркого рта. Ко мне он относился скорее покровительственно, но Тересу тоже вниманием не баловал. Ее это ужасно злило, так как в свои шестнадцать она была девушкой достаточно привлекательной, чтобы получать записочки, а то и букетики от своих обожателей, близких ей по возрасту. А Даниэль приезжал с родителями все реже и реже: у него была учеба, друзья в столице, возможно, даже краткосрочные романы, о которых мы ничего не знали. Тереса его совсем не интересовала, несмотря на все ее ухищрения. Вела она себя иногда с ним на грани приличия, но его это лишь забавляло, не более. Все эти томные взгляды и нечаянные прижимания выпуклых, и даже очень, частей ее тела оставляли его равнодушным. Во всяком случае, я ни разу не заметила, чтобы он хоть как-то ее поощрил.

– Он еще об этом пожалеет, – в сердцах сказала однажды сестра, глядя вслед грифону, уносящему объект ее желаний. – И очень сильно пожалеет.

– Возможно, он просто считает, что ты еще слишком маленькая, – предположила я, желая утешить сестру.

– Дура! Это ты для него слишком маленькая, – взвилась она неожиданно. – А мне почти уже семнадцать! Ничего, поеду в Академию – быстро все станет так, как я хочу.

– Но родители сказали... – Я проглотила оскорбление и все-таки попыталась с ней говорить.

– Будет так, как я хочу, – уверенно сказала Тереса. – Увидишь.

Но поехать в Академию ей удалось лишь через год, когда родители настолько устали от ее постоянного нытья, что сочли за лучшее согласиться. Прочилась она там ровно один семестр, первые же экзамены сдать не смогла, после чего вернулась домой насовсем, привезя с собой две привычки: спать до полудня и курить тонкие эльфийские сигареты. Вспоминать о проведенном в Академии времени сестра не любила – судя по всему, там Даниэль остался для нее столь же недоступен, как и здесь. Кроме привычек, из Фринштада Тереса привезла несколько тонких тетрадок, про которые с придыханием говорила, что там заклинания, необходимые, чтобы добиться успеха в жизни. Я втайне от нее пролистала эти записи и пришла к выводу, что если уж Тересе не удалось сдать экзамены, то провести хоть один из этих сложнейших ритуалов безо всяких ошибок она точно не сможет. Так и вышло. Сестра заказывала самые разные снадобья и ингредиенты и чего только не пыталась с ними делать. Эдита по секрету рассказывала мне, что несколько раз ей приходилось отмывать от странных символов пол в Тересиной спальне, а иногда даже стены. Но результата все не было и не было – деньги, успех и любовь были от моей сестры так же далеки, как и раньше. Наверное, нужно для этого сделать что-то более существенное, чем испачкать пол в своей комнате сажей из сожженных волос...

Я продолжала вздыхать о Даниэле, ни на что не надеясь – если уж он на Тересу не обращал внимания, то вряд ли заметит меня. Ведь я уступала сестре во всем: ни ее прекрасных форм, ни Дара, достаточного для Академии, – ничего-то у меня не было. Тересины поклонники смотрели на меня снисходительно, как на маленькую сестренку предмета своего обожания, которую можно попросить передать записочку и пообещать за это что-нибудь сладкое. Я была тощей, маленькой, нескладной и ужасно переживала по этому поводу. Мне начинало казаться, что меня никогда не заметят на фоне красавицы сестры, как вдруг все

изменилось. Платья внезапно стали коротки и тесны в груди, и мама охала, недоумевая, как это я так вдруг быстро выросла. Мне было семнадцать, и все вокруг расцветало и радовалось жизни вместе со мной.

День рождения фьордины Феррейра отмечался в конце весны. Тереса начала готовиться к нему загодя. Столько счетов отец еще ни разу не оплачивал, он пытался спорить с сестрой, но она ему так нежно и недоуменно улыбалась, говорила, что хочет не так уж много, что он смирялся и подписывал все новые и новые чеки. У меня так никогда не получалось, поэтому я собиралась ехать на праздник в перешитом платье сестры – «почти новом», по выражению смущенной мамы.

– Дура ты, Патти, – как-то сказала мне Тереса, небрежно вертя в руках зажженную сигарету. – К мужчинам нужно иметь подход, а то так и проходишь всю жизнь в обносках с чужого плеча. Сначала платья, потом – мужья. Хочешь, я дам тебе попользоваться Даниэлем? – Она хохотнула, поглядев на мое вспыхнувшее лицо. – Думаешь, я не знаю, что ты по нему сохнешь?

– Пока еще Даниэль не твой, – заметила я.

– Вот именно, пока. – Она пустила струйку дыма в мою сторону, заставив меня немного поморщиться, и добавила: – Все, рулетка судьбы крутанулась и остановится там, где мне нужно. Для этого сделано уже столько, что успех обязан прийти.

Но рулетка судьбы крутанулась в этот раз не так, как она ожидала, потому что сама Тереса неожиданно слегла с болью в горле и высокой температурой, а Даниэль, не менее неожиданно, заметил меня.

– Патрисия? – удивился он. – Как ты изменилась.

– Я немного выросла, – смущенно пояснила я.

– Немного, – согласился он, разглядывая меня совсем по-другому, не так, как раньше.

Весь вечер он не отходил от меня, находя все более интересные темы для беседы. Я ужасно смущалась, отвечала невпопад – такое внимание было мне в новинку и больше пугало, чем радовало. Мне все казалось, что это злая шутка той самой судьбы, в рулетку с которой играла Тереса, делая ставки все больше и больше в надежде однажды сорвать банк.

На следующий день он приехал к нам с единственной целью – увидеть меня. Тереса все так же лежала в кровати, не имея возможности спуститься вниз, но когда ей рассказали о том, что он приехал и даже спросил о ее самочувствии, уверилась, что ее усилия наконец-то вознаградились.

– Любые цели хороши, чтобы добиться своего, – чуть хриловато сказала сестра, когда я зашла спросить, не нужно ли ей чего-нибудь. – Пусть у нас черная магия и запрещена, но результат-то ты видела?

Она закашлялась, а у меня духу не хватило ей объяснить, что Даниэль спрашивал о ней лишь из вежливости, а приезжал ко мне. И смотрел только на меня. А на прощание поднес мою руку к губам, нежно поцеловал и долго потом не отпускал, а я забирать не стала. Так мы и простояли еще полчаса, прощаясь, говоря словами ни о чем, но глазами и улыбками – об очень многом...

Тереса провела в постели целую неделю. А когда встала, сразу поняла, что случилось. В гостиной она сидела с каменным лицом, время от времени вставляя короткие фразы, чтобы показать, что она участвует в общем разговоре. Но говорила она такие гадости, что лучше бы молчала. Наверное, эта же мысль пришла и ей в голову, так как она сослалась на плохое самочувствие и ушла, напоследок мазнув по мне неприязненным взглядом. Я поежилась. Непохоже, что она ограничится только этим: Даниэлю ничего высказывать не будет, а вот мне... Вечер оказался безнадежно испорчен этими мыслями. Я ждала воплей, швыряния в стену всего, до чего могла дотянуться моя сестра, и требований отправить меня куда подальше, чтобы не мешала ее личному счастью.

Но Тереса повела себя на удивление сдержанно. Нет, она не оставила случившееся без внимания, пришла ко мне сразу после отъезда Даниэля и насмешливо сказала:

– Дура ты, Патти. Я же сказала, что он мой. Но я добрая – пользуйся, пока есть такая возможность, скоро ее не будет.

И эта ее спокойная уверенность испугала меня намного больше, чем любой самый отвратительный скандал, на которые Тереса была мастерица. Скандалы она устраивала только тогда, когда считала, что другими методами ничего не добьется. А это значило, было у нее что-то, позволявшее надеяться на благополучный для себя исход. Сестра считала Даниэля собственностью, а свое отдавать она не собиралась.

Начала она на первом же совместном семейном обеде. От более раннего выступления ее удержало только нежелание встать к завтраку.

– Па-а-ап, – капризно протянула она, – тебе не кажется, что Патти ведет себя неприлично? Она столько времени проводит с чужим женихом, что пойдут слухи.

– С чужим женихом? – Отец вопросительно на нее посмотрел.

– С Даниэлем Феррейра, – невозмутимо пояснила Тереса.

– Подожди, разве он заключал с кем-то помолвку? – удивился папа. – Странно, что я об этом не знаю.

Теперь пришла пора удивляться Тересе.

– Но как же, папа, он же мой жених! – возмущенно сказала она.

– Дорогая, ты же не думаешь так всерьез? – ответил отец. – Мы с фьордами Феррейра, конечно, были бы рады, если бы вы поженились, но заставлять вас не стали бы. Так что Даниэль – молодой человек, свободный от всяких обязательств.

Тереса мелодично рассмеялась.

– Конечно, я не считаю, что шутка, прозвучавшая в нашем далеком детстве, должна непременно стать явью. Но вот наши соседи, – она выразительно посмотрела на отца, – убеждены, что мы с Даниэлем помолвлены. И в свете этого совершенно неприлично выглядит его поведение. Молодой фьорд, свободный от всяких обязательств, проводит много времени со столь юной девушкой, как Патти.

Отец задумался. Потом вопросительно посмотрел на меня.

– Мне вовсе не кажется, что мы с Даниэлем проводим так уж много времени вместе, – торопливо сказала я.

– Ой, Патти, да что ты понимаешь, – махнула рукой в мою сторону Тереса. – Ты еще слишком маленькая, чтобы судить об этом. А вот нашим родителям надо задуматься и оградить тебя от возможных слухов.

– Я поговорю с отцом Даниэля, – решил отец.

Тереса победно на меня посмотрела. Мне так хотелось сказать ей какую-нибудь гадость, что я даже губу прикусила, чтобы не дать повода обвинять меня потом в несдержанности и детском поведении.

– Ой, папа, Патти сейчас заплачет, – с деланным сочувствием сказала Тереса. – Она уже переживает возможную разлуку. Так что вовремя я обратила ваше внимание. А то бы сестра окончательно влюбилась и наделала глупостей.

Я встала из-за стола, резко отодвинув стул, и пошла к выходу из столовой. Взгляды родителей и сестры я чувствовала всей кожей спины, но не оборачивалась. Тогда я впервые почувствовала к сестре что-то похожее на ненависть и очень этого испугалась. Ведь она – одна из самых близких мне людей, я должна ее любить. Неужели Даниэлю удалось встать между нами?

Переживала я до вечера, от которого не ждала ничего хорошего. Когда Эдита передала мне приглашение отца зайти в его кабинет, сердце мое оборвалось – настолько я была уверена, что сейчас услышу что-то плохое. Но отец, на удивление, выглядел довольным. Увидев меня, улыбнулся и сказал:

– Поговорил я сегодня с Феррейра-младшим. Он просил твоей руки. Если ты согласна, то о вашей помолвке сообщим на следующей неделе, а свадьбу сыграем, когда тебе исполнится восемнадцать.

И я не смогла выдать из себя ничего более умного, чем:

– А Тереса?

– Она сама сегодня в обед сказала, что ее беспокоит только приличие, а не собственное сердце, – заметил отец. – Помолвлены они с Даниэлем никогда не были, поэтому тебе не следует себя винить из-за того, что выбрал он тебя, а не ее. Так что мне ответить фьорду Феррейра?

Он лукаво на меня посмотрел, как будто и не сомневался в моем ответе. Я его не разочаровала – покраснела, как положено счастливой невесте, и выдавила из себя робкое:

– Я согласна.

На ужине папа сидел с необычайно довольным видом, мама сияла не хуже весеннего солнца, одна лишь Тереса с мрачным видом вертела в руках вилку, бросая на нас странные испытующие взгляды. К еде она не притронулась. А вечером, незадолго до того, как я собиралась лечь спать, зашла ко мне и сказала:

– Думаешь, выиграла? Нет, Патти, твой он только временно. Он нужен мне, а значит, я получу его, чего бы мне это ни стоило.

После чего пошла к отцу и устроила ему самый громкий скандал из всех, что были раньше в нашем доме. Но папа в этот раз навстречу ей не пошел. Ведь Даниэль не игрушка в магазине, которую отказались купить маленькой девочке. Кричи не кричи – не получишь. Видно, поняла это и Тереса. В доме воцарилась тишина, правда, на мой взгляд, несколько зловещая. Но больше в этот день ничего не случилось. А на следующий она уехала в Фринштад, пробыла там почти неделю и вернулась к оглашению нашей помолвки. В новом платье, спокойная, довольно улыбающаяся и совершенно невозмутимая. Нас с Даниэлем она поздравляла так, что у окружающих не осталось ни малейших сомнений: моя сестра счастлива, что Феррейра-младший достался мне, а не ей. Но я-то знала, что это не так. Знала, и это знание отравляло мое счастье, хоть и было этого счастья столько, что казалось – тронь, и начнет щедро выплескиваться, одаряя всех, кто рядом.

Теперь у меня было законное право находиться рядом с Даниэлем. Он обнимал меня за талию, легко привлекая к себе, и шептал на ухо всякие милые глупости. Его дыхание на моем виске было таким горячим, таким обжигающим, что внутри меня что-то сладко сжималось и хотелось почувствовать на виске уже его губы.

А может, и не только на виске. Казалось, он это почувствовал, так как предложил выйти в сад.

Было совсем темно. Но мы и не собирались любоваться недавно расцветшими розами редкого сорта, которыми так гордилась мама. Лишь только мы оказались вдали от посторонних глаз, Даниэль начал меня целовать с жадностью, которая передалась и мне. Я тесно прижималась к нему, мне всего было мало – и этой ночи, и наших поцелуев.

– Вы не слишком увлеклись? – раздался злой голос Тересы. – Даниэль, не забывай, из какой семьи Патрисия. А то смотрю, еще немного – и оприходуешь ее где-нибудь прямо под мамиными розами.

– Тереса, мы только целовались, – попыталась я оправдаться. – Что в этом такого?

– Ты вообще молчи! Видела бы ты себя со стороны. – Слова сестры, как звонкие пощечины, били, не зная пощады. – Ты выглядела как дешевая шлюха, жаждущая удовлетворить клиента.

– Какие глубокие познания, – насмешливо сказал Даниэль и крепко меня обнял, пытаюсь хоть как-то поддержать, хотя единственное, чего мне сейчас хотелось, – убежать подальше и не слышать гадких слов сестры. – Чувствуется личный опыт. Обширный и разносторонний.

Тереса поперхнулась словами, которые собиралась выплеснуть на меня, и с ненавистью уставилась на моего жениха.

– Да как ты смеешь? – прошипела она. Смутно угадываемые в темноте, черты ее лица явственно исказились. – Я беспокоюсь о своей сестре.

– Побеспокойся лучше о себе. О ней теперь есть кому беспокоиться.

– Возвращайтесь в дом, если не хотите скандала. – Тереса сдаваться не собиралась. – Немедленно. Или я начну кричать.

– Что кричать? – недовольно сказал Даниэль.

– Поверь, это я придумаю.

Сказала она это почти спокойно, наверное, смогла взять себя в руки, но ни у Даниэля, ни у меня желания спорить не возникло. Вечер был уже безнадежно испорчен, и даже если бы вдруг сестра внезапно отсюда исчезла, воспоминания о ее словах все равно стояли бы между нами. Когда мы вернулись в дом, с лица Тересы не сходила торжествующая улыбка, а Даниэль сказал:

– Похоже, наша помолвка будет еще тем испытанием.

Он сжал мою руку и переплел свои пальцы с моими, а я подумала, какая разница, что там будет. Вместе мы пройдем любые испытания, да и сколько там осталось до нашей свадьбы? Разве Тереса может нам помешать?

Но оказалось, может. Она переговорила с отцом, живописав ему в красках мое грехопадение, и тот, несколько смущаясь, попросил меня не оставаться с женихом наедине без присмотра мамы или Тересы. Стоит ли говорить, что у мамы вечно находились дела и нашим бессменным надсмотрщиком была сестра? Гадостей она больше не говорила ни мне, ни Даниэлю, у меня даже закралось подозрение, что тогда она действительно беспокоилась обо мне, но само ее присутствие ужасно мешало. При ней слова застревали во рту, цеплялись за язык, делая его толстым и неповоротливым. Обычно Даниэль держал меня за руку и, чуть насмешливо поглядывая на Тересу, перебирал мои пальцы. Она делала вид, что ее это совсем не задевает, и пускалась в пространные рассуждения о новых модных тенденциях или о чем-нибудь другом, столь же далеком от общих интересов. Но ее расслабленная поза никого не обманывала. Острые, хищные взгляды, которые она бросала на моего жениха, каждый раз заставляли меня нервно вздрагивать. Даниэля они не особо беспокоили, разговаривал он с сестрой словно ничего не произошло и никаких выпадов в ее сторону себе не позволял. Иногда я спускалась раньше Тересы, и мы успевали поцеловаться до ее прихода, а потом сидели с невинным видом. И эти как бы украденные поцелуи были такими сладкими, что примиряли меня и с постоянным надзором, и с долгим ожиданием, которое вскоре должно было закончиться.

Вовсю шли приготовления к свадьбе. В тот день я задержалась у портнихи, которая никак не могла вставить рукав в пройму так, чтобы это устроило и ее, и мою маму. Когда мы вернулись домой, Эдита, наша горничная, с заговорщицким видом сообщила, что Даниэль уже тут. Но в гостиной его не было, не было его и

на террасе, и в саду. Я даже подумала было, что он меня не дождался. Но его грифон был здесь, а значит, и мой жених никуда не улетел.

Я уже не знала, где его искать, а Эдита только недоуменно разводила руками. Что меня заставило пойти в комнату Тересы, до сих пор не знаю, ведь это было последнее место, где мог находиться мой жених. Но он был там...

Без одежды Даниэль был необычайно красив. С отрешенным лицом он мерно двигался, вжимая Тересу в ее постель. Капли пота перламутрово поблескивали на его рельефных плечах. Из горла вырывались чуть хрипловатые звуки, которые смешивались со стонами наслаждения сестры. Она выгибалась ему навстречу, впитывая каждое движение, каждый вздох. Ее волосы блестящими черными змеями разметались по подушке, пальцы впивались в плечи нависающего над ней мужчины, не глядя, нет, терзая его ногтями. Все это казалось каким-то нереальным, фантомным, неправильным...

Когда за моей спиной завизжала Эдита, я как будто очнулась от сна. Очнулась, чтобы увидеть вскинувшегося покрасневшего Даниэля и торжествующую улыбку старшей сестры.

– Патрисия... – только и успел сказать мой жених, теперь уже бывший, до того как я развернулась и побежала к себе.

Подушка не смогла полностью защитить меня от всех звуков, а их было много – до меня доносился и стук в дверь, и голос Даниэля, который сменился голосом мамы. Мне хотелось заснуть, проснуться и узнать, что это был лишь страшный сон, что ничего такого не было. Но нет, забыться и забыть мне было не суждено. Вечером мама нашла запасной ключ от моей двери и нарушила мое одиночество.

– Патти, мне так жаль, так жаль, что все так получилось, – горестно сказала она. – Но ты же понимаешь, что теперь и речи не может быть о вашем браке?

– Я не вышла бы за него после увиденного, будь он даже последним мужчиной, – резко ответила я.

В голове шумело, почему-то тошнило от одних мыслей о Даниэле и Тересе, и очень хотелось, чтобы меня опять оставили одну.

– Хорошо, что ты это понимаешь, – облегченно сказала мама, – ведь теперь он обязан жениться на Тересе. Боги, такой скандал! – запричитала она. – За что нам это?

Но мне не было никакого дела до того, что о нас будут судачить соседи. Ужасная, ни разу не испытанная доселе боль терзала меня изнутри. Лучше бы он сразу женился на Тересе, и не было бы этого призрака сияющего счастья, разбившегося сегодня на тысячи мелких тусклых осколков. Мама пострадала еще немного и ушла, а на смену ей пришла та, кого я сейчас желала видеть еще меньше, чем Даниэля.

– Патти, к чему это представление? – спокойно сказала она. – Подумаешь, жених изменил. В первый раз, что ли? Ты серьезно считаешь, что он все эти годы хранил целомудрие, чтобы достаться тебе в целостности и неиспользованности? Дура ты, Патти, право слово.

Я вскинулась и с ненавистью на нее посмотрела. Раньше такое чувство мне было незнакомо. Я даже не представляла, что можно так сильно желать кому-то смерти, прямо сейчас, и желательно как можно более мучительной. Но вместо того чтобы умереть, она внезапно расхохоталась, глядя мне прямо в глаза.

– Обидели бедную девочку, надо же! Да забирай его назад, не нужен он мне больше. Не впечатлил. Совсем. Да и что он такое, этот твой Даниэль?

– Он не мой, – глухо ответила я.

– Твой, не твой – мне без разницы. – Она потянулась, как сытая кошка, и чуть мечтательно прищурилась. – Даниэль – не лучшее, уж поверь. Ни денег особых, ни связей. Нет, мне такой не нужен. Можно сделать вид, что ничего не случилось, даже свадьбу не отменять. Она у вас через неделю?

– Никакой свадьбы не будет.

– Да куда ты денешься? – усмехнулась она. – Пострадаешь да простишь. А забыть не забудешь, нет.

Тереса опять победно улыбнулась, как тогда, под Даниэлем, и вышла из комнаты, а я поняла, что просто сойду с ума, если пробуду здесь еще хотя бы мгновение...

Моих карманных денег хватило, чтобы добраться до Фринштада. Но что дальше? Я бродила по улицам, как вдруг увидела объявление на магазинчике старинных артефактов «Требуется продавщица». И я подумала: почему бы и нет? Учиться чему-то новому, что-то делать – намного лучше, чем бесцельно страдать. Да и было бы по кому страдать...

Глава 3

Андрес решил развить успех. На следующий день в родительский магазин он не только пришел много раньше, чем обычно, но и принес букетик фиалок, которые в это время не просто дорого стоили, их даже найти было нельзя. Это было тем более приятно, что о своей любви к этим маленьким, но таким милым цветочкам я ни разу не говорила, а значит, он заметил это сам. Фьорд Сореано привычно пробормотал, что его дела не терпят отлагательств, поэтому магазин он оставляет на наследника. Андрес уверил его, что все будет как надо: и деньги сдаст в банк, и сигнализацию не забудет включить, и меня домой проводит, чтобы не потерялась по дороге. Отец его лишь усмехнулся на это и сказал, что тот снял с него тяжелый груз забот.

– Куда сегодня пойдём? – деловито спросил Андрес сразу, как его родитель нас покинул. – Закроем пораньше, и весь вечер – наш.

Он мечтательно заулыбался и сделал попытку меня обнять, за что тут же получил по рукам. Я на работе, а значит, отвлекаться на личную жизнь не могу, пусть даже этой личной жизнью является сын работодателя, о чем я ему и сказала.

– Патрисия, так ведь никого нет.

Он на меня посмотрел как-то так, что во рту сразу все пересохло и вспомнилось, как вчера мы долго не могли оторваться друг от друга у моей двери. Наверное,

все случилось потому, что я выпила лишнего. Сегодня Андрес собирается все повторить, а я не уверена, что хочу опять испытать то, что было вчера. Или хочу? Я облизнула чуть припухшие после вчерашнего безумства губы, и это все решило. Легким движением Андрес перемахнул через прилавок, достал табличку с надписью «Закррито» и повесил ее прямо перед клиентом, как раз в этот момент вознамерившимся зайти внутрь.

– Извините, у нас некоторые внутренние проблемы, – невозмутимо заявил ему будущий безответственный владелец магазина, перед тем как закрыть дверь.

Жалюзи на окнах он тоже опустить не забыл, и в магазине воцарился полумрак, такой романтичный и волнующий. Все это заняло лишь несколько мгновений, я даже возмутиться не успела, а Андрес уже стоял передо мной с совершенно нахальным заявлением:

– Все, работа нам больше не мешает.

– Андрес, я не знаю, что на меня вчера нашло...

Я отодвинулась от него подальше, уперлась в прилавок и испытала легкую панику. Никак нельзя было позволить ему повторить вчерашнее. Я даже в себе не была уверена.

– Я тоже, но я не возражаю, чтобы это нашло на тебя и сегодня.

Он смешно вытянул губы трубочкой и попытался меня обнять. Но ведь все происходило в магазине его отца, пусть и за закрытыми жалюзи!

– А что скажет фьорд Сорено? – попыталась я до него достучаться.

– А что он сказал, когда ты отпрашивалась? – вопросом ответил Андрес и все-таки ухитрился меня обнять.

Самое ужасное, у меня больше не было никакого желания его одергивать. И если вчера можно было свое поведение оправдать опьянением, то сегодня такое объяснение бы не прошло. Не мог же алкоголь до сих пор гулять в моей крови, вызывая это странное чувство – желание быть с ним рядом, и не просто быть

рядом, а очень близко. Так, чтобы его глаза отражали мои, а его губы... Боги, вчерашний разговор с мамой, казалось, всколыхнул болото, в котором я жила последнее время, из болота забил родник, и теперь меня несло непонятно куда.

– Я еще не отпрашивалась, – ответила я.

– Значит, я завтра за нас обоих отпрошусь, – заявил он.

Он привлек меня к себе еще ближе и не собирался на этом останавливаться. Где-то в глубине сознания слабо шевельнулось воспоминание о бывшем женихе, но коварный Андрес даже додумать мне не дал. Он целовал меня так жадно, что никакие мысли просто не задерживались. Казалось, во всем мире остались только двое – он и я.

– Хм...

Вернувшийся фьорд Сореано был совсем немногословен, но мне хватило и этого короткого возгласа, чтобы в ужасе отпрянуть от его сына. Точнее, попытаться – Андрес меня не отпустил. Да и отец его не выглядел возмущенным.

– Это хорошо, что вы наконец нашли общий язык, – заметил он. – Но было бы лучше, если бы вы искали его позже, не заставляя меня волноваться, почему закрыт магазин.

– Я был уверен, что ты сегодня больше не появишься, – заметил Андрес. – Как-то даже неприлично с твоей стороны так неожиданно возвращаться.

– Знаешь ли... – начал было негодовать фьорд Сореано.

– Но раз уж ты все равно пришел, – невозмутимо сказал его сын, не обращая внимания на то, что отец собирается ругаться, – то Патрисия хотела обратиться к тебе с просьбой. Ей нужны несколько свободных дней в конце следующей недели. У ее сестры свадьба. Кстати, я тоже приглашен.

– Вот как? – Фьорд Сореано задумчиво посмотрел на сына, потом – на меня. Чувствовала я себя сейчас как человек, которого застукали за чем-то ужасно неприличным, так что смущенно отвела взгляд в сторону. – Я думаю, что какое-

то время смогу обойтись и без вашей помощи. Это, несомненно, будет очень сложно, но не невозможно. – Он чуть заметно улыбнулся и продолжил: – Тем более что сейчас покупателей мало. Жара, все стремятся за город. Патрисия, так когда ты хотела поехать?

– Вечером в четверг, – пояснила я. – Свадьба в субботу, но меня просили подъехать пораньше.

– И Андреса? – уточнил он.

– И меня, конечно, – торопливо ответил его сын. – Не может же Патрисия появиться на свадьбе собственной сестры без подходящего к такому случаю кавалера?

– А то у нее там не найдется, – усмехнулся отец.

– Вот этого я и боюсь, – еле слышно сказал Андрес и громко добавил уже для отца: – Но ты же понимаешь: я лучше, чем любое, что там может найтись.

– Ладно, идите, – махнул рукой в нашу сторону фьорд Сореано. – Патрисия, со следующего четверга считай себя в отпуске, который ты не так давно отказалась брать.

– Но, фьорд Сореано, мне действительно не нужен отпуск, – запротестовала я.

– Патрисия, не спорь с папой, это плохо заканчивается.

Андрес подхватил меня под руку и потащил на выход, я еле успела торопливо попрощаться с нанимателем, который смотрел нам вслед даже с некоторым одобрением. И это после того, как его сын захлопнул дверь перед носом клиента! Правда, фьорд Сореано об этом пока не знал...

– Андрес, что теперь твой отец про меня подумает? – распереживалась я, когда мы оказались на улице.

– Он тебя слишком хорошо знает, чтобы подумать что-то плохое, – ответил он. – Вот если бы он застал тебя за ограблением собственной кассы, то да, подумал

бы о тебе плохо. А так... Разве что мне позавидовал. Но у него есть мама, думаю, ему для поцелуев достаточно.

Я невольно хихикнула.

- Так куда мы пойдём?

- Андрес, - нерешительно сказала я, - все это слишком быстро произошло.

- Быстро? Я за тобой год ухаживал, прежде чем добился поцелуя, - возмутился он. - И она еще говорит, что быстро?

- Мне подумать надо...

- Еще год? Ну уж нет, я не согласен.

И он опять попытался меня поцеловать. Безуспешно - я была непреклонна, пусть здесь пока никого нет, но ведь в любую минуту может кто-нибудь появиться.

- Андрес, нельзя же все время целоваться, - попыталась я его образумить.

- Рассматривай это исключительно как лечение, - нахально заявил он, - которое тебе просто необходимо.

- Какое еще лечение?

- От былых сердечных разочарований.

Ему все же удалось усыпить мою бдительность и опять поцеловать. И вновь все мои сомнения остались где-то снаружи, там, где не было его и меня. Когда поцелуй закончился, я в смятении уткнулась головой в его плечо. Это ужасно, но теперь мне хотелось самой продолжить так внезапно начавшееся лечение, просто какой-то «поцелуйный голод» наступил, хотелось его утолять и утолять, благо было кем.

Это сумасшествие продолжалось все время, что оставалось до поездки домой. С каждым разом мне все труднее было расставаться с Андресом на пороге собственного дома, я еле удерживалась от предложения продолжить чашечкой чая или что там получится. Останавливала меня лишь уверенность, что получится не совсем то, чего ждет от меня семья в вопросах приличия. А когда я оставалась одна, на меня огромной черной тучей налетали сомнения: действительно ли я люблю Андреса или просто пытаюсь найти в нем опору для встречи с Даниэлем. Андрес на чаепитии не настаивал, удовлетворяясь лишь объятиями и поцелуями, за что я ему была несказанно благодарна.

За эти дни я с трудом нашла время, чтобы купить подходящее платье. Пришлось пожертвовать собственным обеденным перерывом, иначе пришлось бы мне появиться на свадьбе сестры в одном из своих старых. О том, чтобы заказывать пошив, даже речи не шло, но в отделе вечерних платьев, куда я заглянула, выбор был достаточен, чтобы найти то самое, в котором я буду просто неотразима. Для кого неотразима – для Андреса или Даниэля, – я старалась не думать. Образ одного постоянно сменялся другим, как в каком-то диком калейдоскопе, но это было, только когда я оставалась одна. Если я была с Андресом, то о Даниэле не думала совсем.

И вот наступил четверг, которого я так отчаянно боялась. Мы договорились, что Андрес зайдет ко мне ближе к обеду – у него оставались еще незавершенные дела, да и я не рвалась домой. Строго говоря, если бы не обещание, данное маме, я бы предпочла вообще там не появляться, даже на Тересиной свадьбе – не думаю, что она бы обратила внимание на мое отсутствие, да и обиду ее я бы пережила, не особенно страдая по этому поводу. Подарок Тересе я покупать не стала. Обойдется. Никаких теплых чувств я к ней не испытывала, а значит, и радовать ее не обязана.

Чемодан уже был собран, проверен несколько раз, все ли положено, не забыла ли я какой мелочи, жизненно мне необходимой на эти дни. Оставалось на нем только активизировать артефакт, уменьшающий вес. Но это можно сделать и потом, когда появится в этом необходимость. Андрес все не приходил и не приходил, а я никак не могла себя чем-то занять, лишь бесцельно ходила из угла в угол, ловя себя на совсем детском желании – сделать вид, что меня нет дома, и никуда не ехать. Мне не хотелось видеть ни Тересу, ни Даниэля. Надеюсь, ему что-нибудь помешает приехать. В то, что сестра не появится на собственной свадьбе, верилось с трудом. С ней-то мне точно придется увидеться. Я поехала, вспомнив ее высокомерное лицо при нашей последней встрече.

«Пострадаешь да простишь. А вот забыть не забудешь, нет...» «Не забудешь, нет...» «Нет...»

Стук в дверь моментально снес с меня шелуху этих никому не нужных воспоминаний. Если бы только Тереса оказалась не права и я смогла забыть, но нет, я продолжала себя мучить, изо дня в день я чувствовала себя униженной и обманутой. И это чувство не собиралось меня покидать.

– У тебя же нет домашних животных? – спросил меня Андрес с деланным удивлением.

– Нет, а что? – настороженно ответила я.

– Выглядишь, как будто у тебя любимая канарейка сдохла, – припечатал он. – Или хомячок.

– А почему не кошка? – уязвленно спросила я.

Я-то думала, что отлично умею держать себя в руках.

– По кошке страдают больше. А у тебя скорби разве что на хомячка хватит, – ответил он мне, наконец улыбнувшись. – Ты на свадьбу едешь, не на похороны. К чему тебе этот трагизм на лице?

– Ты же знаешь, что я не хочу туда ехать, – мрачно ответила я.

– Честно скажу, я тоже, – неожиданно серьезно ответил Андрес.

Он смотрел на меня как-то так, что казалось, он не просто не хочет туда ехать, а боится не меньше, чем я. Боится, что моя встреча с бывшим женихом закончится примирением, а значит, все, что было между нами в эти дни, окажется перечеркнутым. Я протянула руку и легко погладила его по щеке. Он нежно чмокнул меня в ладошку и сказал:

– Поехали?

– Поехали...

До города, ближайшего к нашему поместью, мы добрались телепортом, почти не затратив на это времени: недавно построенный новый междугородний пункт работал быстро и четко. На особо крупные города стояли отдельные порталы, пропускавшие почти без остановки желающих покинуть Фринштад. Для мелких такого не было, порталы были общими, там стояли дежурные маги и с важным видом настраивали проход по таблицам в толстых томах. Но и туда очереди были небольшие, а главное – двигались они живо, так что не прошло и нескольких минут, как мы стояли на площади Кестии, моего почти родного города.

Здесь погода была не столь ясной, как в Фринштаде. Было пасмурно. Небо затягивали темные, свинцовые тучи, не оставлявшие ни намека на голубые небесные просветы. Налетал порывистый ветер, так и норовивший задрать юбку.

– Мне кажется, нам здесь не рады, – доверительно наклонился ко мне Андрес. – Куда теперь?

Я кивнула в сторону стоянки, на которой вперемежку располагались экипажи, магические и нет. Немагические уже постепенно сдавали позиции, в крупных городах они уже были экзотикой и использовались разве что для свадеб. Конечно, еще можно было нанять грифона, пара таких с гордым видом примостились на краю площади, но это было много дороже, а главное – погода к таким полетам не располагала. Придется ставить магический купол, и цена еще вырастет. Это я пыталась объяснить своему спутнику, который положил глаз именно на них.

– Дороже, зато быстрее, – уверенно сказал он.

С этим, конечно, не поспоришь. Но существовало еще одно обстоятельство, с которым ему придется считаться.

– Я высоты боюсь, – со вздохом призналась я. – Знаю, что с них упасть невозможно, но все равно боюсь. Поэтому полет для меня превращается в кошмар.

– А если я тебя обниму, а ты закроешь глаза и не будешь смотреть вниз? – предложил Андрес и добавил с хитрой улыбкой: – Я крепко-крепко обниму.

И мне сразу показалось, что полет на грифоне должен быть очень увлекательным, даже если не закрывать глаза...

- Патрисия?

Этот голос я не слышала почти год, но узнала его сразу же. Даниэль. Он стоял рядом с телепортационным пунктом. Наверное, прибыл сразу после нас. И был он все так же красив, как и год назад. Сердце пропустило один удар, а потом забилось с удвоенной частотой. Боги, как я могла прожить столько времени, даже его не видя?

- Патрисия, - повторил он, зачарованно на меня глядя. - Я искал тебя весь этот год.

- Если бы искал, давно бы нашел, - заметил Андрес, выдвигаясь вперед как-то так, что оказался между мной и моим бывшим женихом.

- Мне даже адрес ее не говорили! - возмущенно сказал Даниэль и посмотрел на моего спутника с выражением «А ты, собственно, кто такой?».

- Тоже мне, проблема, - фыркнул Андрес. - Неужели в доме фьордов Венегас вся прислуга столь честная, что никто не дал бы вам адреса в обмен на несколько сотен эвриков? А мага-поисковика нанять было никак?

В самом деле, при желании за год найти человека можно даже в таком большом городе, как Фринштад. Ведь все это время я втайне хотела, чтобы он меня нашел и дал случившемуся объяснение, которое поможет если не вернуть, то хоть склеить то, что было. Даниэль, мне без тебя было так плохо, так плохо... Но ты не пришел, ты меня бросил наедине с моими черными мрачными думами...

- Я был уверен, что любовь приведет меня прямо к Патрисии, - несколько напыщенно сказал Даниэль.

- Не привела, - заметил Андрес. - Значит, не столь велика была?

Даниэль демонстративно от него отвернулся и стал смотреть только на меня.

- Патрисия, - сказал он, - нам непременно нужно поговорить.

- О чем нам с тобой говорить?

- Как о чем? О нас с тобой. О том, что случилось.

Он стоял совсем рядом со мной, его глаза, которые снились мне почти каждую ночь, были так близко и так наяву.

- Нас с тобой нет, Даниэль, - покачала я головой. - Зря ты приехал. Тебе надо было отказаться.

- Почему я должен от тебя отказываться, Патти? - Он упрямо нагнул голову и с вызовом посмотрел на Андреса, чуть раздувая ноздри от с трудом сдерживаемой ярости. - Я ни в чем не виноват. Я уверен, что нам просто нужно поговорить.

- Нет, Даниэль, - твердо ответила я.

Разговор этот мне давался все труднее. В груди разрастался огромный болезненный клубок. Зачем я сюда приехала?

- Но, Патрисия...

- Все, парень, твой грифон уже улетел, - несколько насмешливо сказал Андрес. - Патрисия уже несколько раз сказала тебе «нет», мог бы и с большим уважением отнестись к ее словам.

В каждом жесте моего спутника сквозило напряжение, быть может, и не заметное для посторонних, но я слишком хорошо за это время узнала сына своего нанимателя. Он нервничал, и очень сильно.

- Я с вами поеду, - внезапно заявил Даниэль.

- Чего это вдруг? - с вызовом спросил Андрес.

- Вы же в поместье Венегас, так вот, нам по пути.

– Даниэль, будет лучше, если ты поедешь к родителям, – предупреждающе сказала я.

– Фьордина Венегас была столь любезна, что пообещала мне предоставить одну из гостевых комнат, когда я приеду, – пристально глядя на Андреса, ответил Даниэль. – Я собираюсь воспользоваться ее приглашением. Ведь ты не будешь все время ходить в компании этого типа. Тогда и поговорим.

Я не могла поверить, что мама оказалась на такое способна. Оба парня уже сейчас выглядели готовыми вцепиться в глотки друг другу. А что будет через несколько дней, мне даже страшно представить.

– Даниэль, я тебе буду очень признательна, если ты не воспользуешься маминым предложением, – сказала я, почти ни на что не надеясь. – Оно было сделано до того, как...

Тут я запнулась, не в силах охарактеризовать то состояние, в котором мы находились с Андресом, и даже посмотрела на него в надежде на помощь.

– Как фьордина Венегас узнала, что мы с Патрисией помолвлены, – нахально заявил тот.

– Нет, – ответил Даниэль, не обращая больше никакого внимания на соперника. – Наша помолвка, Патти, не была расторгнута, а значит, этот тип твоим женихом быть не может. Его появление на свадьбе Тересы будет по меньшей мере странным. Вот ему точно надо отсюда уезжать. А я собираюсь пожить в вашем доме какое-то время.

Я почувствовала, как под моей рукой напряглась рука Андреса, но на лице моего спутника лишь заиграла неприятная улыбка, не сулящая сопернику ничего хорошего.

– Фьорда Венегас ясно выразилась относительно состояния вашей помолвки, – довольно издевательски сказал он. – Так что вам не стоит ни на что рассчитывать.

– А что вы так беспокоитесь, фьорд? – не менее издевательски ответил ему Даниэль. – Не уверены в прочности чувств вашей невесты?

Слово «невесты» он выговорил как-то особенно гадко, вкладывая в него сразу несколько возможных смыслов, и все они были не слишком для меня лестными.

– Хватит, – резко сказала я. – Хотите выяснять отношения – делайте это без меня. А лучше вообще этого не делайте. Даниэль, последний раз прошу тебя не ехать.

– Это хорошо, что последний. Своего решения я не изменю, – заявил он.

Да, похоже, свадьба сестры обойдется мне еще дороже, чем я думала. Я пожала плечами и потянула Андреса к ближайшей магической повозке. Потрясение от встречи с бывшим женихом было очень сильно. Борьба с еще одним страхом, страхом высоты, у меня не было ни сил, ни желания. Да и было вполне обоснованное предположение, что Даниэль теперь не позволит нам никуда лететь без него. Так и получилось. Андрес переговорил с возницей, помог мне сесть внутрь экипажа, забросил туда же чемоданы и уже собирался залезть сам, как был остановлен властным возгласом:

– Вдвоем вы никуда не поедете.

Андрес развернулся, сжал кулак и двинул моего бывшего жениха так, что тот шлепнулся прямо на брусчатку площади. После чего мой спутник невозмутимо влез в экипаж, захлопнул дверцу и сказал, тронув возницу за плечо:

– Поехали. Чего стоишь?

Повозка тронулась, постепенно убыстряя ход. Я оглянулась. Даниэль уже встал и что-то кричал нам вслед, размахивая кулаками. Выглядело это почему-то ужасно смешно, но я постаралась скрыть улыбку и с укором сказала Андресу:

– Не надо было его бить.

– Извини, не сдержался, – безо всякого раскаяния ответил он. – Но сколько этот тип мог испытывать мое терпение? Слов он не понимает, пришлось

останавливать его по-другому. Мне очень жаль, если это тебя расстроило.

Но выглядел он очень довольным. Взял мою руку, поднес ко рту и начал целовать, постепенно продвигаясь по руке: пальцы, пястье, запястье... Губы его продвигались все дальше, слегка щекоча, и я отдернула руку и зачем-то опять оглянулась. Нас догоняла другая повозка, и я даже на миг не засомневалась, кто там сидит. Андрес проследил за мои взглядом, недовольно нахмурился:

– Вот ведь настырный какой. Сказали ему уже всеми доступными методами, что его видеть не хотят. Так нет же, прется... – И вознице: – Милейший, ускорьтесь, нам только дорожных разбирательств не хватало.

Наша повозка ускорила, но на ней, так же как и на преследующей нас, стоял ограничитель скорости, поэтому оторваться нам не удалось. Расстояние не сокращалось, но и не увеличивалось, сколько я ни смотрела назад. К воротам нашего поместья мы подъехали не с такой уж большой разницей во времени. Хорошо еще, что они были открыты и выгружаться мы начали у самого крыльца. Плохо, что рядом с ним стояла Тереса в расслабленной позе и курила тонкую эльфийскую сигарету, окутывающую ее загадочно мерцающим сиреневым дымком.

– Какие люди почтили нас своим присутствием, – насмешливо сказала она, глядя на меня безо всякого смущения. – Андрес? Не ожидала, не ожидала. – Она прищурила глаза с каким-то необычайно довольным видом. – Смотрю, Патти, жизнь тебя ничему не учит.

Глава 4

Я посмотрела на Андреса. На его лице отразились довольно смешанные чувства, он посмотрел на меня и удивленно сказал:

– Вот это – твоя сестра? Надо же.

– Да, я сестра Патрисии, – искривила губы в злой улыбке Тереса. – Старшая сестра. А так как я забочусь о ее будущем...

Договорить она не успела, из подъехавшего экипажа выскочил разъяренный Даниэль и бросился к Андресу. Я попыталась влезть между ними и испуганно протараторила:

- Пожалуйста, только не надо здесь драться.

- Почему же? – фыркнула сестра. – Пусть подерутся, а мы посмотрим. Интересно же... А потом победителю достанется платок прекрасной дамы. Патти, у тебя платок с собой?

Даниэль остановился, как будто его окатили ведром холодной воды. Он окинул ненавидящим взглядом сначала сестру, потом Андреса и процедил:

- Мы с тобой потом разберемся, убл... – Он подавился ругательством, с шумом выдохнул воздух сквозь зубы и продолжил: – Без свидетелей.

- Боишься, что платок не достанется? – понимающе покачала головой Тереса.

Она покрутила в руках сильно укоротившуюся сигарету и небрежно бросила ее на газон около крыльца. Окурок продолжал слабо дымиться, но никому, кроме меня, до этого не было никакого дела. Остальные переглядывались, напряжение в воздухе нарастало, я уж было начала задумываться о том, чтобы развернуться да и уехать. Меня совсем не привлекала намечающаяся драка.

- Патрисия, дорогая, ты приехала, – радостно воскликнула вышедшая из дверей мама. – Мы ждали тебя с самого утра. Тереса сомневалась, что ты до нас доберешься, но я же знаю, как тебе дорога семья! Даниэль, Андрес, я так счастлива, что вы выбрали время нас навестить. И Тереса тоже очень счастлива...

Сестра недовольно скривилась и ушла в дом, ничего более не сказав. Счастье так и сквозило из каждого ее жеста. Похоже, не так уж ей мое присутствие и нужно. Мама ослепительно заулыбалась, делая вид, что все идет так, как надо.

- Бедная девочка, она так замучилась с этой свадьбой. Такая нервная ходит последние несколько дней. А уж похудела... Да вы проходите. К чему стоять на пороге?

Тереса действительно выглядела более дерганой и похудевшей с тех пор, как я ее видела в последний раз. Только мне казалось, что никакого отношения к свадьбе ее вид не имел. Не выглядела она счастливой невестой, мечтающей дождаться дня бракосочетания. Уж я прекрасно помню то свое состояние после помолвки с Даниэлем. Я невольно бросила косой взгляд в его сторону и обнаружила, что он пристально на меня смотрит. Видно, тоже про это подумал. Даниэль заметил мой взгляд и довольно заулыбался. Неожиданно это меня ужасно разозлило.

– Мама, мне кажется, Даниэлю не стоит останавливаться в нашем доме, – решительно сказала я. – Его родители живут не так уж и далеко...

– Дорогая... – Мама растерянно на меня посмотрела, не зная, что сказать. Отказать моему бывшему жениху в гостеприимстве казалось ей верхом неприличия, а сам он вовсе не стремился пойти мне навстречу. Наконец ей удалось найти хоть какой-то выход. – Я думаю, Даниэль в любом случае останется у нас на обед, а там мы посмотрим, правда?

Она просительно мне улыбнулась, не желая, чтобы я дальше об этом говорила.

– Скоро должен подъехать Брунито. – Она перевела разговор на другую тему. – Вот и познакомьтесь сразу. Да что вы стоите? Проходите, проходите же...

Она заулыбалась, показывая радушие, и я все же прошла в родительский дом. За год здесь ничего не изменилось, мне даже на миг показалось, что я и не уезжала никуда, что все случившееся за этот год мне лишь приснилось. Вот и Даниэль со мной рядом...

– Фьордина Венегас, как у вас уютно, – галантно сказал Андрес, стоящий с другой стороны от меня.

И я тут же очнулась. Год прошел, и изменения есть. Вот этой вазы я раньше не видела, а роскошный букет в ней – наверняка подарок Тересиного жениха. Обивку на мягкой мебели скоро нужно будет менять – хотя она и выглядит еще прилично, но за год немного вытерлась. И рядом со мной уже совсем другой фьорд. Нет, нельзя вернуться в прошлое. Я встряхнула головой, отгоняя ненужные мысли, и спросила у мамы:

- Андресу ты какую комнату определила?

- На третьем этаже, ту, которая над Тересиной.

- А мне куда чемодан можно бросить, Пилар? - намеренно панибратски спросил Даниэль, показывая сопернику близость к моей семье.

Мама задумалась. Похоже, она собиралась поселить их рядом. Но теперь такое размещение казалось неразумным. Парни бросали друг на друга отнюдь не восторженные взгляды и только и ждали возможности остаться наедине, чтобы выяснить отношения. Позволять этого было нельзя, и даже не потому, что это произведет плохое впечатление на родню жениха, а потому, что мне совсем не хотелось радовать Тересу таким представлением.

- Даниэль, ты же не суеверен? - приняла решение мама. - Тогда мы разместим тебя в бывшей комнате моей свекрови. Правда, с тех пор, как покойная фьордина оставила этот мир, там никто не жил, но комнату постоянно убирают. А белье я сейчас скажу заменить.

Она радостно на нас посмотрела.

- Мама, Даниэль после обеда собирался вернуться в дом родителей, - мрачно напомнила я.

Но мама уже бодро цокала каблучками, выкрикивала имя горничной и делала вид, что моего замечания не расслышала. Неужели она рассчитывает, что мы с Даниэлем помиримся? Но тогда странно, что она не дала ему мой адрес, хотя бы тогда, когда помолвка сестры с этим Берлисенсисом оказалась свершившимся фактом. Не могла же она думать, что Тересе удастся выйти замуж сразу за обоих? Даниэль стоял с видом победителя, необычайно меня злившим, поэтому я повернулась к нему спиной и взяла Андреса за руку.

- Пойдем, я покажу тебе твою комнату.

Хотя я уже начинала думать, что лучше всего было бы сейчас уехать. Я не ожидала ничего хорошего от дней, которые мне предстояло провести здесь до Тересиной свадьбы. Сестра не делала ничего, чтобы сгладить ситуацию,

напротив, она стремилась ее заострить до предела. И еще неприятные намеки по поводу Андреса... Но эти подробности я узнаю у него самого.

– Андрес, а почему ты не сказал, что знаком с моей сестрой? – спросила я, как только мы оказались в отведенной ему комнате.

– Так, пересекались пару раз в различных компаниях, – чуть заметно поморщившись, ответил он. – Сказать, чтобы мы близко были знакомы, нельзя, я даже фамилии ее не знал.

Выглядел он почему-то виноватым, так что в душу ко мне заползли самые черные подозрения.

– Что она имела в виду, говоря, что жизнь меня совсем не учит? Вы с ней тоже были близки?

– Да ты что? – поперхнулся Андрес от возмущения. – Не было ничего такого! Я же тебе сказал, что просто пару раз пересекались, и все.

– Тогда о чем она говорила?

– Откуда же мне знать? Это же она говорила, не я...

Он смотрел на меня столь честными глазами, что было легко догадаться: он знает, но ни за что мне не скажет. Но я сдаваться так легко не собиралась. Если сестра знает что-то, его компрометирующее, то это что-то непременно всплывет, рано или поздно.

– У тебя был роман с какой-нибудь из ее подруг? – продолжала я допытываться.

– Патрисия, ты что, какие подруги у твоей сестры? У нее они есть?

Подруг у нее не было, насколько я помнила, все они безжалостно отметались, как завистницы и соперницы. Не жаловала она и моих, все они предпочитали звать меня к себе, а не появляться в нашем доме. Раньше я как-то об этом не задумывалась. Но Андрес-то почему в этом так уверен?

– Откуда ты так хорошо знаешь Тересу? – невольно спросила я. – Ты утверждаешь, что лишь несколько раз пересекались.

– Патрисия, ты меня ревнуешь? – лукаво спросил он. – Чтобы понять, что человек собой представляет, не обязательно знать его много лет. Иной раз достаточно одной-единственной встречи, даже такой мимолетной, как была по нашем приезде. А Тереса ведет себя везде одинаково.

Я хотела еще что-то спросить, но как-то неожиданно для себя оказалась в объятиях Андреса, и рот мой в одно мгновение был запечатан поцелуем. Желания протестовать у меня почему-то не возникло, из головы мигом вылетели все посторонние мысли.

– Согласна, здесь целоваться намного удобнее, – раздался от двери насмешливый голос Тересы, – кровать рядом, далеко бежать не надо. Двери бы запирали, что ли?

– В следующий раз так и сделаем, – посмотрела я на нее с вызовом. – Зачем ты вообще сюда пришла? Тебя никто не звал! Опять побежишь за родителями? Так я уже совершеннолетняя! Имею право делать что хочу!

Сестра посмотрела на меня как на какую-то диковинную букашку, от которой не ожидалось связной речи, но которая вдруг заговорила. Я опять ощутила, как меня затапливает просто дикая злость по отношению к ней. Мне уже не хотелось просто наорать на нее, выпуская накопившиеся чувства, мне хотелось ударить ее. Чем-то тяжелым ударить, так, чтобы она почувствовала боль и страх. Чтобы она оставила меня наконец в покое.

– Как заговорила! – презрительно фыркнула Тереса. – Просто вы ругались, потом замолчали. Вот я и подумала, что ждет меня пикантное зрелище, но твой Андрес оказался не слишком настойчив, как я смотрю. Хотя на его месте я бы поторопилась. После того, что я тебе расскажу, Патти, его шансы вообще сваятся к нулю.

– Что же такого ты мне расскажешь?

– Не сейчас. – Она неприятно усмехнулась. – Вечером, перед сном. Я зайду рассказать тебе сказочку, чтобы спалось лучше. Или хуже. Это как получится.

Сама понимаешь, хороших снов обещать не могу.

- Оставила бы ты свою сказочку себе, - сказал Андрес.

Он не выглядел особо напуганным ее угрозами, но все же было заметно, что поднятая тема ему неприятна.

- Себе? Это было бы неправильно по отношению к сестре. - Она завела прядь волос за ухо каким-то некрасивым дерганым жестом и посмотрела с затаенным превосходством на нас. - Но пока - наслаждайтесь. Обещаю, не приду даже на скрип кровати...

Дверь она закрыла подчеркнуто аккуратно. Я посмотрела на Андреса. Целоваться бы я с ним сейчас не стала. Намеки Тересы меня беспокоили все больше - казалось, они отравляли сам воздух между мной и Андресом. И я вдруг отчетливо поняла, что моя жизнь уже никогда не будет прежней. Сюда я не вернусь никогда, но и в магазине фьорда Сорееано не задержусь, если наши отношения с его сыном, не успев развиться, лопнут с громким грязным звуком.

- Лучше я сам расскажу, чем ты будешь выслушивать версию Тересы, - внезапно сказал Андрес. - Девушку, с которой я пришел в общую компанию с твоей сестрой, напоили зельем... - Он немного помялся, но все же продолжил, - возбуждающим, понимаешь? Обвинили в этом меня. Того, кто это сделал, так и не нашли...

Он смотрел на меня даже с некоторым вызовом, а я внезапно поняла, что ему верю, несмотря на слухи, которые наверняка ходили и будут ходить. Не мог это сделать человек, ухаживающий за мной целый год в надежде на взаимность. Я нежно провела рукой по его щеке и сама потянулась за поцелуем. Нет, я не хочу терять Андреса из-за глупых рассказов сестры. Я даже слушать ее не буду! Мысли о Тересе ушли тут же, да и все остальные куда-то подевались. От его губ я оторвалась лишь с огромным трудом.

- Пойдем в сад, я покажу тебе мамины розы.

Я говорила намеренно спокойно, хотя сердце билось так, что, казалось, его стук был слышен даже в комнате внизу. Той самой, где сейчас была Тереса. Мысли о ней вызвали привычную злость, но неожиданно несколько смазанную.

Настоящую злость у меня вызвал Даниэль, с независимым видом стоящий рядом с дверью Андреса.

– Патти, ты помогала распаковывать чемодан своему другу? Для этого горничная есть, – нахально заявил он.

– Увы, она была занята твоими вещами. – Я нежно ему улыбнулась и внезапно подумала: хорошо, что мы не успели пожениться.

Эта мысль удивила меня саму. До сих пор Даниэль казался мне средоточием всяческих достоинств, и мне даже в голову не могло прийти, что это не так. Прекрасный образ дал трещину, да не одну, и теперь грозился рассыпаться совсем. Во всяком случае, тот Даниэль, которого я помнила, прислушался бы к моей просьбе перебраться к родителям, а адрес я бы ему и сама дала. А этот упорствовал непонятно зачем, вызывая у меня лишь раздражение и страх за грядущий обед. Это был совсем другой Даниэль, и он мне... не нравился? Да, совсем не нравился.

Мы спустились в полном молчании в холл, где я увидела незнакомую мне фьордину средних лет. Довольно ухоженную фьордину, надо признать. Одета она была элегантно, в легкий льняной костюм бледно-сиреневого цвета. Длинное жемчужное ожерелье она небрежно перебирала, пощелкивая аккуратными розовыми ноготками по бусинам. Я поздоровалась, решив, что это бабушка жениха, которого нам обещали к обеду, хотя для бабушки она выглядела довольно молодо. Но кто их там знает, этих аристократов.

– Фьордина Нильте, рад вас видеть!

Даниэль расцвел в улыбке, и я поняла, что ошиблась. Хотя мама же не уточнила, по какой линии будет бабушка жениха, так что фамилия у нее может быть и другая.

– Вы прекрасно выглядите, – продолжал разливаться соловьем мой бывший жених.

– Скажешь тоже, Даниэль, – кокетливо повела она плечами. – Как я могу хорошо выглядеть? В мои-то годы, имея взрослого сына с такими проблемами... Ты мне представишь своих друзей?

- Патрисия Венегас, моя невеста, - гордо ответил он.

- Бывшая невеста, - заметила я. - Приятно познакомиться, фьордина Нильте.

- Какие вы, девушки, непостоянные, - неодобрительно сказала она мне. - Не стоит вот так сразу рубить с плеча и отвергать такого замечательного фьорда ради... - Она перевела недовольный взгляд на Андреса.

- Фьорда Андреса Сорено, - подсказала я.

- Сорено? - оживилась она. - Это не у ваших родных, фьорд, магазин по продаже старинных артефактов?

- Его держит мой отец.

- Пару лет назад я там такую замечательную штуку прикупила, - довольно сказала она. - Но дерете вы за свои товары просто-таки неприличные деньги. Да, неприличные.

Она побарабанила ногтями по подлокотнику кресла и уставилась на Андреса с таким видом, что будь на его месте кто-нибудь другой, с более слабой психикой, он бы уже с униженным видом выписывал чек, в надежде хоть как-то компенсировать неприятности, причиненные столь замечательной фьордине. Но моего спутника таким было не пробить.

- Неприлично было бы просить меньше, фьордина Нильте, - ответил он. - Качество того, что мы продаем, не идет ни в какое сравнение с новоделами. Да и методики некоторые давно утеряны. Такие артефакты вообще бесценны. Я уверен, что ваша покупка у нас была удачной.

Фьордина покивала с таким кислым видом, словно соглашалась лишь из вежливости. Даниэлю не понравилось, что столько внимания уделили его сопернику, поэтому он выдвинулся вперед, гордо расправил плечи и спросил:

- Как дела у вашего сына, фьордина Нильте?

– Мы так и не можем доказать, что на него был возведен самый настоящий поклеп. – Она порылась в сумочке, достала носовой платок и поднесла его к глазам. – К нашему глубочайшему сожалению, он так и находится под стражей, а ведь более чистого и отзывчивого мальчика, чем мой Антер, сложно и представить. У него такая нежная и ранимая душа.

Она все-таки всхлипнула, очень громко и ненатурально.

– Такие всегда и страдают в первую очередь, – с сочувствием сказал Даниэль. – Надеюсь, Алисия вас утешает. Такая изумительная фьордина, – с вызовом в голосе сказал он, глядя на меня, – ни на минуту не поверила в то, что ее жених виноват, и вышла за него замуж по специальному разрешению прямо в тюрьме. Даже пыталась добиться, чтобы ей позволили находиться с любимым мужем в камере.

– О, это было бы слишком жестоко, – вздохнула фьордина Нильте, – Алисия – художница, ее нельзя запирают с мужем и картинами в крошечной камере.

Фраза ее прозвучала довольно двусмысленно. Никак нельзя было понять, за кого она переживает. И я почему-то никак не могла избавиться от мысли, что фьордина больше беспокоится о сыне, чем о невестке. Интересно, в какой манере та рисует, если запирание с ее картинами в одном помещении – неоправданная жестокость?

– Но самоотверженность ее заслуживает всяческого восхищения, – веско сказал Даниэль и опять на меня посмотрел весьма выразительно.

Фьордина Нильте от его слов поморщилась. Чуть заметно, но все же. Она явно не собиралась восхищаться невесткой.

– Даниэль, между прочим, мой сын – прекрасная партия, – недовольно сказала она. – Я уверена, его оправдают и он в ближайшее же время окажется на свободе. А вот ей, с ее скромным приданым, размеры которого, как оказалось, она сильно преувеличила, и с этим, пачкающим все и вся, увлечением было бы довольно сложно найти мужа. Честно говоря, я считаю, что она попросту подловила бедного Терри в столь тяжелый для него момент жизни. Мальчик не осознавал, что делает...

Похоже, ждет бедную Алисию бракоразводный процесс сразу после выхода супруга из тюрьмы. Что значит какая-то там самоотверженность перед таким ужасным фактом, как отсутствие запланированного приданого?

- Но, фьордина Нильте, - удивился Даниэль, - насколько я слышал, приданое невестки пришлось вашей семье очень вовремя. Даже ходили слухи о продаже поместья.

Фьордина Нильте выпрямилась и недовольно фыркнула, став при этом похожей на лошадь, не очень породистую, но отличающуюся дурным нравом.

- Вот именно, слухи, - сухо ответила она. - Не стоит доверять всему, о чем болтают. Дела у нас обстоят прекрасно. Нам нет необходимости распродавать имущество. А уж такая мелочь, как приданое невестки, вообще никак бы не отразилась на нашем финансовом положении.

Она окинула Даниэля высокомерным взглядом, умудрившись посмотреть на него сверху вниз, хоть и сидела при этом. Руку она выразительно положила на жемчуга, бусины которых были слишком правильной формы, чтобы быть настоящими. Но мужчины редко разбираются в драгоценностях, так что Даниэль не указал на этот прискорбный факт, а лишь смущенно пробормотал извинения. После чего в гостиной установилась тишина, прерываемая лишь нервным покашливанием. Уйти мне казалось неприличным, а темы для разговора не находилось. Так что, когда в дверях появилась мама, это несколько разрядило обстановку.

- Делла, дорогая, я очень рада тебя видеть, - защебетала она, пытаясь словами скрыть озабоченность, которая прямо-таки сквозила в каждом ее жесте.

- Добрый день, дорогая, - фальшиво заулыбалась гостья. - Хоть кто-то в этом доме рад меня видеть.

- Только ты выбрала ужасно неудачное время для визита, - все же решилась сказать мама. - С минуты на минуту должны появиться жених Тересы и его бабушка...

Она сделала паузу и с надеждой посмотрела на фьордину Нильте. Та намек поняла, но сдаваться не собиралась.

– Мне нечего бояться встречи с ними, – гордо ответила она. – Но если ты, Пилар, меня не хочешь видеть, я в любой момент могу уйти.

– Что ты, дорогая, – смутилась мама, – просто я подумала, что тебе будет неприятно их видеть.

– Естественно, неприятно, – процедила гостья. – Они такие гадости говорят про моего бедного сына. Но я умею держать себя в руках, не волнуйся.

Она даже улыбнулась, показывая безукоризненно белые, но немного редкие зубы и тем самым дружеское расположение к хозяевам дома. Неприятная фьордина. Я совсем не помнила, чтобы она числилась ранее среди друзей семьи. Но за то время, что я здесь отсутствовала, изменилось не только это. Андрес наклонился к моему уху и прошептал:

– Этот Нильте, что сейчас сидит за решеткой, подкинул компрометирующие письма в дом Берлисенсисов и донес на них. Сделать ему это было легко, он дружил с Бруно. Но все выяснилось, и посадили уже его. А теперь эта тетка ведет себя так, как будто виноват не ее сынок, а Бруно. А сама наверняка собирается клянчить у них подпись на ходатайстве.

По внешнему виду гостьи было очень похоже – она считает, что все вокруг должны быть просто счастливы, что она обратила на них свое высочайшее внимание. А кто не счастлив, тот просто еще этого не осознал или, как вариант, испорчен неподобающим воспитанием настолько, что осознать уже никогда не сможет.

В комнату важно вплыл мужчина в одежде дворецкого. Странно, раньше мама обходилась услугами горничных, а теперь, с таким женихом, видимо, этого оказалось недостаточно. Дворецкий был усат и доверху наполнен сознанием собственной значимости.

– Фьорд и фьордина Берлисенсис, – зычно возвестил он.

Все дружно повернули головы в сторону двери. Наконец я смогу увидеть этого Бруно, покоровшего сердце моей мамы и согласившегося забрать из нашего дома такое сокровище, как Тереса.

Глава 5

Бабушкой старшую родственницу жениха назвать язык не повернулся бы ни у кого из присутствующих в гостиной. Ранее я посчитала фьордину Нильте элегантной? Так вот, данная особа просто меркла перед фьординой Берлисенсис. Как магический светлячок в присутствии солнца. Без него заметен, при нем – нет. Сухощавая, подтянутая, даже в строгом платье и при минимуме украшений, бабушка Бруно притягивала к себе взгляд, несмотря на возраст. Впрочем, как я уже сказала, пожилой назвать ее нельзя было никак. Единственное, что выбивалось из облика, – металлическая трость с массивным набалдашником. Возникло впечатление, что цель этого предмета – вовсе не помощь даме при ходьбе, а скорее указание на ее почтенный возраст, который другими средствами не подчеркивался. Поздоровалась она вежливо, но как-то так, что каждому показалось, что обращаются лично к нему. Каждому, но не фьордине Нильте – ее вновь пришедшие не заметили. Первый раз я видела, как смотрят сквозь человека безо всяких магических приспособлений. Пожалуй, такому умению хотелось бы научиться, если только оно учится, а не дается вместе с рождением в подобном семействе.

Фьордина Нильте нахохлилась и недовольно поджала губы, напомнив при этом сердитую курицу, сходство с которой еще усугублялось тощими ногами с острыми коленями, выпирающими из-под юбки. От былой кажущейся элегантности и следа не осталось, на лице на мгновение проявилась самая настоящая ненависть, но фьордина быстро пришла в себя и невозмутимо заулыбалась.

– Соледад, Бруно, вы совсем не изменились с нашей последней встречи, – пропела она.

– Хотелось бы, чтобы та встреча действительно была последней, – невозмутимо ответила фьордина Берлисенсис. – Это бы сделало всех нас намного счастливее.

Фьордина Нильте надменно хмыкнула, но на этот раз ее поведение ни на кого не произвело должного впечатления. А уж те, кого она надеялась поразить в самое сердце, на ее хмыканье вообще не обратили внимания. Старшая Берлисенсис

начала беседовать о погоде с моей мамой, благо погода этому способствовала: свинцовые тучи наконец разразились дождиком, пока нечастым, но усиливающимся с каждой минутой. Что касается жениха, то он небрежно поздоровался с присутствующими и дальше смотрел лишь в сторону лестницы, на которой ожидал увидеть невесту. Я была вынуждена отметить, что сестра не промахнулась в выборе – жених был хорош, как старинная магография, подправленная в соответствии с нынешними веяниями. И явно влюблен – в беседу вступать не торопился, а иногда и вовсе не обращал внимания на задаваемые ему вопросы. В этом доме его не интересовал никто, кроме Тересы. А она совсем не торопилась нас радовать своим появлением. Собственно, нас уже вообще мало что радовало. Беседа велась только между мамой и фьординой Берлисенсис. Фьордина Нильте все больше нахохливалась, бросала недовольно-настороженные взгляды по сторонам и молчала. Я была удивлена, что она гордо не поднялась и не ушла. Как она собирается просить за сына, если одно ее появление вызывает такое раздражение у Берлисенсисов? Андрес и Даниэль попеременно пытались завязать разговор с Бруно, но оба потерпели полнейшее поражение и сейчас стояли по разным сторонам от моего кресла, а я чувствовала, как за спиной сгущается напряжение. Пожалуй, впервые в родительской гостиной мне было совсем неуютно. Положение спас дворецкий, гордо объявивший, что мы можем проходить в столовую.

– А Тереса? – встрепенулся Бруно.

При его словах по лицу фьордины Берлисенсис пробежал отголосок непонятных мне эмоций. Интересно, как она относится к грядущему браку своего внука? С мамой она разговаривала довольно благожелательно, но, возможно, это было лишь следствие хорошего воспитания и сама невеста ей не нравилась.

– Бруно, дорогой, Тереса скоро подойдет, – улыбнулась ему мама. – Не может же она пропустить такое важное событие, как обед с тобой?

Бруно заулыбался ей в ответ и даже перестал смотреть на лестницу, такая уж у мамы заразительная улыбка. Или дело в том, что из столовой лестница попросту не видна?

За столом одно из мест рядом со мной заняла фьордина Нильте, так что Даниэлю пришлось сесть по другую сторону от нее. Я было вздохнула облегченно, но тут гостя еле слышно начала бубнить:

– Гады высокомерные, смотрят свысока на всех, кто ниже их по положению.

Про кого она говорила, было прекрасно понятно, и я не удержалась:

– У нас не такая уж состоятельная семья, тем не менее Бруно женится на Тересе.

– Да кто за него замуж пойдет, после того как его сестра выбрала себе в мужа этого, с хвостом? – высокомерно фыркнула гостья. – Да и сама Соледад с демонами якшается. Один из них шастает к ней постоянно. – Она еще понизила голос и прошипела, совсем как змея: – Ходят слухи, что сын ее вовсе не от покойного мужа, а от этого самого демона.

Она многозначительно на меня посмотрела, но я не стала поддерживать этот разговор. Во-первых, я сильно сомневаюсь, чтобы она решилась повторить все это громче, так, чтобы услышали Берлисенсисы. А во-вторых, отличительные демонические признаки не спрячешь, уж хвост у отца Бруно был бы точно, а тогда ходили бы совсем не слухи. А значит, что все эти рассказы – глупое вранье фьордины, которая винит это семейство в несчастье своего сына.

Совершенно непонятно, что так задержало Тересу, она даже платье не передела, так и пришла на обед в том, в котором встретила нас у крыльца. Она позволила поцеловать себя сразу вскочившему ей навстречу Бруно и любезно, но безо всякой улыбки поздоровалась с его бабушкой, а что касается фьордины Нильте, так ее опять демонстративно не заметили. Забавно, сестра еще не начала носить фамилию Берлисенсис, а уже заразилась от этого семейства избирательной слепотой.

Дождь за окном наконец перешел от частых капель к настоящему потоку, низвергавшемуся с небес. За окном буквально стояла водяная стена, изредка подсвечиваемая ветвистыми молниями. Окна были тщательно закрыты, поэтому гром доносился уже приглушенный и совсем не страшный.

– Какой кошмар на улице, – не удержалась мама. – А с утра было такое замечательное солнце. У меня распустились розы нового сорта, которые Патрисия еще не видела, и я так хотела ей их показать.

– Вряд ли дождь смоеет их до завтра, – заметила я.

– Почему до завтра? – удивился Андрес. – Этот дождь долго не продлится. Думаю, мы еще из-за стола не встанем, как все закончится. Кроме того, стоит ли нам бояться погоды?

– Действительно, – задумчиво сказала фьордина Берлисенсис. – Ни от какой погоды не получишь столько пакостей, как от людей.

Фьордина Нильте рядом со мной ощутило подобралась, приняв слова на свой счет, не расслабилась она и после того, как мама торопливо попыталась перевести разговор на другую тему:

– Соледад, вы же прямо из столицы сегодня? Что там нового происходит?

– Во всех салонах обсуждают эту ужасную историю, – с долей задумчивости сказала фьордина Берлисенсис. – Ту, о которой так много писали в газетах.

– Что за история, Соледад? – проявила вежливую заинтересованность мама. – Что-то мы в нашей глуши совсем от жизни отстали. И газет-то никаких не читаем.

– Одна фьорда из весьма приличного семейства не нашла ничего лучше, чем приворожить понравившегося ей молодого человека методами черной магии.

– Привораживать? Вот глупость какая, – удивилась мама. – Это же любому магу видно.

– Черную магию? – Бабушка Бруно чуть насмешливо подняла брови. – Определить воздействие такого рода очень сложно, если не знаешь, что искать. Да и сделать это может лишь знающий. Вот девица и решила, что все примут результат за внезапно вспыхнувшую страсть. – Она оглядела всех присутствующих, чуть задерживая взгляд на каждом, затем, понизив голос для большей трагичности, продолжила: – Закончилось все предсказуемо печально: умерли оба, и девушка, и ее избранник. Два сухих почерневших трупа. Мага, который это сделал, ищут. Пока безуспешно...

В наступившей тишине громко зазвенела вилка Тересы, упавшая на пол. Мама ахнула и прикрыла ладонью рот.

– Какой ужас! – экспрессивно сказала фьордина Нильте. – Всех этих черных магов давно пора вывести. Смертной казни им мало. Как представляю, что, может, и моего Терри...

Она манерно прикрыла лицо взятой с колен салфеткой, из-под которой стрельнула глазами по сторонам – заметили ли ее страдания. Но внимания ей досталось мало – большая часть присутствующих так и продолжала ее не замечать.

– Бабушка, что ты нас так пугаешь? – недовольно сказал Бруно. – Я давно говорил: пора прекращать читать газеты. Какой только ерунды там не пишут. Не надо в такой день говорить о плохом.

– Давай поговорим о хорошем, – покладисто сказала фьордина Берлисенсис. – У меня для вас с Тересой отличная новость. Твоим родителям удалось уговорить приехать на вашу свадьбу фьорда Ясперса. Он, кстати, привлечен к тому громкому делу в качестве эксперта. Мимо него никакой черный маг со своими штучками не проскочит. Так что можете гордиться – такой человек приедет ради вас.

Бабушка Бруно не производила впечатление фьордины, склонной к театральным эффектам, так что у меня создалось впечатление, что это было сказано не просто так, а с определенной целью. Да и не только у меня...

– Очень похоже, что фьордина Берлисенсис не верит в естественность чувств своего внука, – шепнул мне на ухо Андрес. – Как давно Тереса с ним познакомилась?

– Я знаю только то, что слышал и ты, – так же тихо ответила я. – Когда я уезжала, они знакомы не были, насколько мне известно. Но сестра семестр отучилась в Академии. Может, тогда и познакомилась?

Андрес скептически буркнул что-то неразборчивое, но было понятно, что он сильно сомневался в том, чтобы Берлисенсис обратил внимание на мою сестру в то время. Возможно, он прав, но ответить на этот вопрос могла только Тереса, чего она делать не собиралась. Она мрачно тыкала в тарелку принесенной ей чистой вилкой, делая вид, что ее ничего и никто не касается. Даже жених, с которым она не перемолвилась ни единым словом и который жадно ловил

каждый ее жест. Близящейся счастливой свадьбе совсем не соответствовала атмосфера за столом, она была гнетущей и вязкой. Все искоса поглядывали на соседей и молчали.

– Смотрите, дождь уже закончился, – радостно сказала мама. – А мне казалось, что он не прекратится, пока не затопит все вокруг.

– Такие дожди долго не идут, – важно сказал Даниэль, как будто он лично это предсказывал.

– И это просто замечательно! – воодушевилась мама. – Я непременно должна вам показать распутившиеся розы. После дождя они будут еще прекраснее!

На мой взгляд, после дождя розы прекрасно не выглядели, но выйти на свежий воздух из душной столовой показалось прекрасной идеей.

– Я, пожалуй, посижу тут, – заявила фьордина Берлисенсис, – не в моем возрасте ходить по мокрым кустам. Да и трость в грязи увязнет.

– Я с радостью составлю вам компанию, – счастливо пропела фьордина Нильте.

Похоже, бабушка Бруно пожалела о своем решении тут же, но у нее в качестве последнего аргумента оставалась трость, которой в крайнем случае можно было и стукнуть утомившую собеседницу. Почему-то мне казалось, что это будет единственная возможность заткнуть этого борца за освобождение сына. У остальных столь веских причин не нашлось, так что после короткого послеобеденного отдыха мы отправились рассматривать мамины розы. Тереса шла с явной неохотой. Она опять непонятно откуда достала эльфийскую сигарету и прикурила ее легким щелчком пальцев. Дымок в этот раз был не сиреневый, а нежно-розовый с золотистыми блестками.

– Говорят, эта эльфийская дрянь очень плохо отражается на здоровье, – с явным беспокойством в голосе сказал Бруно.

– Говорят? – фыркнула Тереса. – Пишут, наверное. В тех же самых газетенках, что читает твоя бабка.

- Тереса! - обеспокоенно воскликнула мама.

- Что - Тереса? Надоели. Лезут со всякой ерундой! У меня что, хвост вырос? - требовательно спросила она у Бруно.

- Нет, но... - растерялся он.

- Вот когда расти начнет, тогда и полезешь со своими советами. Смотрите ваши розы без меня!

Она развернулась и вошла обратно в дом. Бруно было направился за ней, но она сказала что-то резкое, и он вскоре опять присоединился к нам, совершенно расстроенный. Даниэль тут же завел с ним беседу, делая вид, что ничего особенного не случилось. Я же пребывала в полнейшем недоумении. Я не понимала жениха. Как можно позволять так с собой обращаться?

Возможно, с утра розы были диво как хороши. Но сейчас, после не так давно прошедшего ливня, они еще не оправились и впечатление производили несколько подмоченное. Но каждый из нас считал своим долгом высказать восхищение. Даже Бруно сказал что-то высокопарно-поэтическое, процитировав известное стихотворение про деву-розу. Правда, думал он при этом скорее про Тересу, чем про цветок, так как вид имел довольно отстраненный и все время посматривал в сторону дома. Жених был настолько зависим от своей невесты, что намеки старшей Берлисенсис, естественно ли его чувство, казались уже и не намеками. Когда мы направились назад, Бруно оживился. Видно было, что он сдерживался из последних сил, чтобы не бежать и не извиняться перед Тересой. Извиняться непонятно за что...

В гостиной никого не оказалось. Сестра, скорее всего, прямиком прошла в свою комнату, не желая составлять компанию фьординам, которым и без нее было о чем поговорить. Хотя любящая мамочка Нильте наверняка была столь навязчива, что фьордина Берлисенсис скорее отправилась бы рассматривать розы, чем продолжила вести давно надоевшую ей беседу.

- Тереса... - расстроенно сказал Бруно.

- Она непременно скоро спустится, - попыталась его поддержать мама. - Мы прямо сейчас к ней с Патрисией ходим. Может, вы пока в карты поиграете? Мы

как раз купили недавно чудный карточный столик.

Предложение ни у кого не вызвало энтузиазма. Мне не хотелось идти уговаривать Тересу, которая вела себя сегодня отвратительно, да и мои уговоры на нее не повлияют. Кроме того, я боялась, что Даниэль непременно сцепится с Андресом и Бруно им в этом никак не помешает. Слишком мало его интересовало все, что не относится к невесте. А эти молодые люди к ней никак не относились – Тереса же не выказала в них никакой заинтересованности. Но мама упорно делала вид, что ничего особенного не происходит, усадила их за карты и повела меня наверх.

– Есть надежда, что не передерутся, – сказала она мне тихо, – пока мы с тобой попытаемся привести в чувство Тересу. Эта свадьба ее совсем из себя вывела. Мне кажется, она жалеет, что так поспешно согласилась.

– Так пусть отложит, – предложила я. – А сколько они знакомы?

– Месяц, – огорошила меня мама. – Буквально на следующий день после знакомства он приехал сюда и предложил твоей сестре руку, так как, по его словам, сердце она уже успела забрать.

– Как романтично, – протянула я, вспоминая намеки Берлисенсис-старшей в столовой. – Внезапно вспыхнувшая страсть. Тебе не кажется все это несколько неестественным?

– Тереса – красивая девушка, – гордо ответила мама. – И это не первый случай, когда на ней хотят жениться сразу после знакомства, ты же знаешь.

– Но жених очень уж странно себя ведет...

– Мы не знаем, как он вел себя до знакомства с Тересой, – парировала мама. – Может, это его обычное состояние? Он так умилительно нежно относится к твоей сестре, что смотреть на них – одно удовольствие.

Я хотела сказать, что бабушка жениха такого удовольствия не испытывает, но мы уже подошли к двери Тересиной спальни. Я даже за ручку взялась, но мама меня остановила:

– Сначала постучим. Тереса такая нервная.

Но постучать мы не успели. В замке два раза провернулся ключ, показывая тем самым, что хозяйка комнаты не желает ни с кем разговаривать.

– Тереса, да что такого случилось? – встревоженно сказала мама.

– Да оставьте вы меня все в покое! – раздался из-за двери злой голос. – Видеть никого не хочу.

– Но Брунито так расстроен.

– Сама его успокаивай!

В голосе сестры появились несвойственные ему ранее визгливые нотки, а в дверь полетело что-то хрупкое и бьющееся. Осколки с веселым звоном посыпались на пол, а из-под двери вылилось немного воды.

– Ваза синьского фарфора, – с горечью сказала мама. – Утром в ней такой букет стоял... Пойдем, дорогая, Тересе нужно успокоиться.

Но пошли мы не в гостиную, как я ожидала, а в папин кабинет, где мама начала сетовать на поведение Тересы, выходящее из всех рамок в последние дни. Мне показалось, что больше всего ей было жалко вазу – остальное подлежало исправлению, а это уже нет. Даже собранный заново с помощью магии, предмет сильно терял в цене, хотя мест скреплений обычным взглядом не было видно, но эксперты на такое обращали внимание всегда. А уж стоило такое восстановление столько, что по цене практически сравнивалось с новой вазой.

– Вы ей всегда слишком много позволяли, – напомнила я.

– Она такая ранимая, – расстроено сказала мама. – Чуть что – сразу в слезы. А мне так больно видеть ваши с сестрой слезы, Патти.

Легкость и мягкость характера мамы привели к тому, что истеричность, которую она стыдливо именовала «ранимостью», и достигла у Тересы таких размеров. А еще вседозволенность. Что сестра хотела, то рано или поздно получала, ей

всегда удавалось добиться того, что ей нужно. Но говорить это маме бесполезно – что получилось, то получилось, ничего уже не исправить. За размышлениями я перестала следить за тем, что говорит мама, поэтому когда опять попыталась включиться в разговор, ее слова меня ужасно удивили.

– Он нам всегда был как сын, понимаешь?

– Бруно? – недоуменно переспросила я.

– О боги, Патрисия, ты чем слушаешь? Я с тобой сейчас разве про Бруно говорю? Речь о Даниэле.

– Мама, давай о нем не будем, – безнадежно сказала я.

– Как не будем? Ты хочешь выгнать его из дома, а это неправильно, – убежденно сказала она.

– Неправильно, что он сейчас у нас находится и в любой момент может сцепиться с Андресом, – резко ответила я. – Он обязан был покинуть дом, если хоть немного нас уважает. Не нужно было его приглашать.

– Я хотела, чтобы у тебя была возможность поставить своих кавалеров рядом и сравнить, – хитро улыбнулась мама. – Если ты еще не заметила, Андрес во всем сильно проигрывает Даниэлю.

– В самом деле? – Я невольно рассмеялась. – Мне пока кажется, что проигрывает Даниэль. Но ты меня прости, мама, у меня нет никакого желания устраивать здесь соревнования.

– Ты правда не хочешь вернуть Даниэля? – недоверчиво спросила мама. – Он ведь действительно тебя любит. А тогда... тогда во всем была виновата Тереса.

Ее слова настолько меня поразили, что я не сразу нашлась что ответить. До сих пор еще ни разу мама не говорила, что ее любимица в чем-то там виновата. Видно было, что и сейчас эти слова даются маме необычайно тяжело.

– Мама, прошел целый год, – напомнила я.

– Да, целый год, – оживилась она. – Ты должна была успокоиться, все обдумать.

– Я обдумала, – резко сказала я. – Это была детская влюбленность, не более.

Я была абсолютно убеждена в том, что это так. При взгляде на Даниэля у меня еще что-то горестно свербело в груди, но когда его не было рядом, я о нем даже не вспоминала.

– Неужели у бедняги совсем никаких шансов? – разочарованно сказала мама. – Он просил меня с тобой поговорить. Знаешь, не отвергай его так сразу. Пожалуйста, подожди хоть пару дней. Вдруг твоя детская влюбленность не увяла, а еще способна расцвести пышным цветом нам на радость?

– Мама, ты хоть понимаешь, что даже если бы я согласилась за него выйти, Тереса отравила бы нам всю жизнь? Один ее вид постоянно напоминал бы о том, что я видела, – резко ответила я. – Что в таких условиях вырасти может? Колючка какая-нибудь. А колючки не цветут. Нет, Даниэлю лучше уехать. Ты должна поговорить с ним об этом прямо сейчас, пока не случилось ничего непоправимого.

– Но, Патти... – растерянно сказала мама.

– Прямо сейчас, – повторила я. – Мы спустимся, и ты с ним поговоришь.

Глава 6

Когда мы вернулись к гостям, то обнаружили там одного лишь Даниэля. Он сидел на диване и небрежно перелистывал какой-то спортивный журналчик, не особо рассматривая, что там написано. Он настолько погрузился в свои мысли, что нас заметил, лишь когда мама его окликнула.

– Даниэль, – смущенно сказала она, – мы с Патрисией обсудили сложившуюся ситуацию. Наверное, будет лучше, если ты уедешь.

Слова эти дались ей необычайно трудно. Каждое она выдавливала из себя, будто надеялась – что-то произойдет и договаривать не придется.

– Пусть Патрисия это сама мне скажет, – неожиданно ответил он и посмотрел на меня. – Глядя в глаза. Скажет, что больше ничего ко мне не чувствует.

– Даниэль... – начала я.

– Глядя в глаза, Патрисия, – повторил он.

Я посмотрела ему в глаза, такие знакомые, такие близкие. И на меня нахлынула волна воспоминаний, как будто и не было этого года и того ужасного происшествия с Тересой... С Тересой?

– Даниэль, я действительно хочу, чтобы ты уехал, – четко сказала я.

– Пилар, вы же видели? Неужели и после этого будете настаивать, чтобы я отказался от вашей дочери?

– Даниэль, это все – прошлое, понимаешь? – попыталась я объяснить.

– Вот именно, прошлое не хочет отпускать ни меня, ни тебя, – горячо заговорил он. – За этот год я исходил весь Фринштад в надежде на то, что наша встреча все вернет. И вот мы встретились, а ты меня прогоняешь.

– Нет, Даниэль. Между нами ничего быть не может. Между нами всегда будет стоять Тереса.

– Патти, я же говорила, вины Даниэля в том нет, – попыталась вмешаться мама.

– Я не знаю, есть или нет. Это теперь не имеет значения.

Я развернулась и пошла прочь из гостиной. Даниэль разразился мне вслед горячей речью, которая была наполнена проклятьями Тересе. Мама уговаривала его успокоиться. Надеюсь, она убедит его уехать. Остаться в гостиной я не могла. Чем больше я находилась рядом с Даниэлем, тем больше понимала, что прошлого не вернуть, что от моего чувства остался лишь засохший цветок в

книжке со стихами. Вспомнить, погрузить, и все. Что высохло, уже не зацветет. Сейчас мне нужен Андрес.

Сначала я заглянула в библиотеку. Но там была одна фьордина Берлисенсис, которая при моем появлении с явным облегчением опустила свою тяжелую трость на пол. Похоже, фьордине Нильте сегодня досталось за излишнюю навязчивость.

- У вас хороший выбор книг, фьорда Венегас, - сказала бабушка Бруно. - Но совсем ничего нет по магии.

- Разве? - удивилась я. - Я помню, что были. Наверное, все они переместились в комнату к Тересе.

- Наверное, - согласилась она, задумчиво поглаживая рукоятку своей трости.

- Она единственная из семьи, кто занимался магией, - пояснила я. - Даже в Академии училась.

- Вот как? - равнодушно сказала фьордина Берлисенсис.

Похоже, занимала ее не сама Тереса, а то, как от нее избавиться. Очень уж не нравилась сей достойной даме невеста внука. И это она еще не слышала, как Тереса в разговоре с Бруно назвала ее «бабкой». Я ее тоже не интересовала, поэтому мы ради приличия перебросились парой фраз, потом я извинилась и ушла.

Андрес был в выделенной ему комнате. Открыл он сразу, как только я постучала, будто стоял за дверью и меня ждал. Я невольно начала улыбаться.

- Долго же вы Тересу уговаривали, - заметил он.

- Так и не уговорили.

- Странная они пара с Бруно. Никогда бы не подумал, что Берлисенсис будет бегать на задних лапках за такой вульгарной девицей, которая в грош его не ставит.

– Тереса все же моя сестра, – напомнила я.

– Увы, от этого она лучше не стала. Вы с ней совсем не похожи, ни внешне, ни внутренне.

– Она в отца пошла, я в мать. Папина мама Тересу очень любила из-за этого, – вспомнила я. – «Наша порода», – говорила она.

– Твоя порода получше будет. – Он усмехнулся и провел ладонью по моему лицу, очерчивая его овал нежным касанием. – Знаешь, я, когда тебя увидел, даже засомневался, что ты настоящая, а не очередное папино приобретение в виде фантома.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/luk-yanova_bronislava/skromnaya-семейная-свадьба

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)